

Одинокaя смерть

Автор:

[Чарлз Тодд](#)

Одинокaя смерть

Чарлз Тодд

Инспектор Иен Ратлидж

В небольшом городке Истфилд убиты трое молодых мужчин. Смерть их ужасна – они задушены гарротой с интервалом в три дня, словно убийца совершал кровавый ритуал. Один из убитых – сын влиятельного в округе пивовара, который считает, что раскрыть такое преступление под силу лишь Скотленд-Ярду. Так в Истфилде появляется инспектор Ратлидж. Он должен найти мотив, объединяющий убитых и убийцу. И на это у него есть только три дня, иначе уже назначенной жертве не избежать гибели.

Чарлз Тодд

Одинокaя смерть

Глава 1

Северная Франция, начало июня 1920 года

Земля над могилами давно покрылась дерном, зеленевающим сейчас изумрудной травой; блестя на солнце ряды белых крестов, и, если не думать о том, что под каждым лежит погибший солдат, картина под чашей голубого французского неба была бы вполне умиротворяющей спустя четыре года после окончания той

ужасной войны. Даже птицы вернулись и сновали в траве, отыскивая себе корм – семена, насекомых и червей.

Человек, наблюдавший за суетой птиц, вспоминал строчки из «Гамлета», которые когда-то, еще в школе, его потрясли и навсегда отложились в дальнем уголке памяти: «Червь не делает отличия между королем и простолюдином».

Многие тогда были зарыты торопливо, прямо на том месте, где были убиты, другие свалены в братских могилах. Разбирать мертвых для захоронения было ужасной, даже омерзительной работой. Многие из павших солдат так и не были опознаны.

Шагая сейчас вдоль рядов белых надгробий и глядя на таблички с именами, он вспоминал подробности захоронения, искромсанные тела, отдельные части тел, весь этот кошмар и думал, что, может быть, именно тогда в нем и произошли изменения? Скорее всего, нет, не это было причиной. Война стала частью его жизни, он прошел ее, выжил и все еще способен продолжать служение своей цели. Он остановился, взгляд заскользил по именам на надгробных обелисках. Сейчас его больше волновали живые, кое-кто из них заслуживал смерти. Их оставалось восемь. И он был готов.

А они?

Впрочем, его не интересовало их душевное состояние.

Он повернулся и зашагал к выходу, где его ожидало парижское такси, которое привезло его сюда. Лучи заходящего июньского солнца приятно согревали спину и плечи.

Одинокие шаги гулко отдавались в воздухе. Слышат ли они эти шаги, или после грохота войны такой пустяк их не может потревожить? Тех, кто лежит сейчас под этими плитами. Или все-таки тревожит?

Вечером его ждет поезд Кале – Дувр. Потом еще один – из Дувра в Лондон. Но он не торопился.

Сначала хороший обед, если повезет такой найти, бутылка вина и потом крепкий сон.

Такси, тронувшись с места, направилось в обратный путь. Он положил голову на спинку сиденья из потрескавшейся кожи и закрыл глаза.

Глава 2

Лондон, июль 1920 года

Старший инспектор Камминс появился в Скотленд-Ярде рано, в половине девятого, и прошел сразу в свой кабинет, где продолжил укладывать книги в коробки. Это был его последний день, и он хотел уйти тихо, без всякой помпы. Ранение положило конец его службе.

– Надо было раньше уйти, – сказал он вошедшему попрощаться инспектору Иену Ратлиджу. – В конце войны. Но я все откладывал, тянул, находил причину – то одну, то другую, лишь бы остаться. То надо завершить отложенное дело, то подождать до очередного рассмотрения в суде. И вот я все еще здесь, хотя давно пора быть на покое. – Он посмотрел на очередную стопку книг. – Так что жалеть не о чем.

– Я в какой-то мере чувствую себя виноватым, – начал было Иен, но Камминс оборвал его:

– Чепуха. Я знаю, что надо уходить. Работаешь и не замечаешь, что годы идут, и в пятьдесят пять считаешь, что тебе все еще тридцать, пока в один прекрасный момент не помотришь на себя попристальнее в зеркало во время бритья.

– Сможете ли вы жить в Шотландии после лондонского шума и суеты?

– Бог мой, конечно. А если и нет, моя жена подскажет, что мне положено по этому поводу думать. – Камминс взял моток липкой ленты и начал заклеивать коробку. Закончив, сразу принялся заполнять книгами вторую. – А вы когда собираетесь жениться? Не надо надолго откладывать. Вот я стану дедушкой в

следующем месяце.

Ратлидж только вежливо посмеялся в ответ.

– У вас позади славный послужной список. Нам далеко до вас.

Камминс поставил стопку книг на край стола и оглядел кабинет. Полки были почти пусты, фотографии сняты со стен. Он тяжело вздохнул и сказал задумчиво:

– Пожалуй, это правда. Я любил сыск даже больше, чем следовало. Знаете, а ведь одно дело так и осталось нераскрытым. И, говоря по правде, я к нему относился с каким-то суеверным страхом. У меня годами лежала на столе папка, и я все говорил себе, что скоро займусь им, но так и не делал этого. Когда порой сильно уставал, оно мне даже мерещилось. Что меня больше всего интриговало – был тот человек убит или его принесли в жертву. И еще: убивал ли убийца вновь?

– Жертвоприношение? – Ратлидж удивился. Это слово никак не вязалось с его представлением о старшем инспекторе.

Камминс взглянул на него немного застенчиво, как будто сам понимал неуместность своего определения.

– Это первое, что пришло мне в голову, как только я увидел убитого. Как будто его выставили специально напоказ. Предупреждение другим, если хотите. Очень похоже на жертвоприношение. Но не религиозное, то есть я не имел в виду религию, другого рода. – Он замолчал, пожал плечами и подытожил: – Был устроен странный спектакль с художественным оформлением.

– Когда это случилось?

– Вы еще здесь не появились. Канун летнего солнцестояния, июнь 1905 года.

Камминс подошел к окну, в этот момент солнечный луч вырвался из облаков, и сразу серые тротуары засверкали.

– Примерно пятнадцать человек явились в Стонхендж, одетые друидами. В простых холщовых рубахах, плетеных сандалиях, в руках ветви дуба. Сомневаюсь, что они разбирались в древней религии друидов, но они пришли встретить восход и спеть гимн солнцу, почувствовать экстаз, ну, всякая такая ерунда. Так вот, они появились у камней, пели, водили хороводы, пили домашний мед, куда был добавлен ром, как позже стало нам известно, и ждали восхода.

Камминс смотрел в окно, но перед его мысленным взором возникали картины прошлого, он пытался их забыть, но, как видно, ему никогда уже от них не избавиться, так глубоко они въелись в его сознание.

Иен стоял и терпеливо ждал продолжения, стараясь не слушать шепот Хэмиша где-то в глубине мозга.

Камминс продолжил, неохотно, как будто против своей воли:

– Они просто разыгрывали спектакль, который сами не понимали. Но думаю, это никому не приносило вреда. Солнце стало всходить. Потом одна из женщин, присутствовавших там, говорила, что это было великолепное зрелище. С ее слов, темное небо на горизонте сначала стало опаловым, потом розовым, золотистым и, наконец, приобрело цвет расплавленного золота. И вот край солнца появился на востоке. А потом случилось невероятное, фантастическое – столб света ударил сквозь темноту и коснулся ее лица. Она говорила, что ощущала его тепло. Все было так, как рассказывал им школьный учитель. Он был как раз тем человеком, кто уговорил их на эту глупость. Но и он был поражен. – Потеряв нить рассказа, Камминс повернулся к Ратлиджу: – Так вот о чем я? О да. Эта молодая женщина, ее имя было Сара Хэрмон, она не отрываясь смотрела на камень для жертвоприношений. Так назвал его школьный учитель. Этот камень находится в отдалении, на восточной стороне. Вы знаете, наверно.

– Да, я помню.

– Хм-м-м. Так вот, она смотрела и пыталась продлить ощущение, сохранить подольше свое восторженное состояние эмоции, как вдруг заметила нечто странное на том камне. Она закричала, и все повернулись к ней удивленно. Она указывала на камень, и все тоже увидели. Они бросились туда. К камню был привязан человек. Он был мертв. Они сразу это поняли, а когда осветили

фонариками, чтобы разглядеть лучше, оказалось, что его зарезали. – Камминс откашлялся. – Сразу его не заметили, потому что прежде было темно.

– Что еще они увидели? Или кого?

– Никого и ничего. Я расспрашивал их часами. Тело могло находиться там задолго до их прихода. До рассвета они его не могли видеть.

– Они знали убитого?

– Клялись, что нет.

– А тот учитель, что привел их туда? Это могло быть идеальным алиби для убийства.

– Терренс Нолан? Он был напуган так же, как и все остальные. И в конце концов я им поверил. Я решил, что убийца, кто бы он ни был, рассчитывал, что никто не найдет его жертву. Откуда было знать, что туда явятся эти люди? Что касается убитого, он был молод, тридцати – тридцати пяти лет, и на нем была только набедренная повязка, самая обыкновенная ткань, которую можно купить в любой лавке. Понадобилось шесть недель, чтобы узнать его имя.

– И кто это был? – спросил заинтригованный Ратлидж.

– Некто Харви Уилер. Родом с Оркнейских островов. Его отец получил место на почте в Керкуолле. Харви рос неуправляемым и диким, прогуливал школу, шлялся по острову и никогда не признавался в своих поступках. Родители просто умыли руки, а потом он пропал в 1902 году после разборок с полицией. Говорили, что отправился на юг, в Шотландию. Потом он объявился в Эдинбурге в конце 1903-го и покинул его прямо перед носом полиции, они не успели его схватить. Его обвиняли в мошенничестве. Он хотел обмануть женщину, которую там встретил. А потом его нашли убитым.

Кто захотел с ним расправиться, осталось загадкой. Это имело отношение, наверное, к тем двум годам, когда он выпал из поля зрения полиции, но мне всегда казалось удивительным, что такой, как Харви, мог окончить дни таким странным образом. Никак не похоже на обычное убийство.

– Это точно был он?

– Абсолютно. Мы послали фото в Эдинбург, когда они заинтересовались этим делом, и они нам порекомендовали связаться с полицией Оркни. Они были уверены почему-то, что найденный труп принадлежит Харви. Его отец к тому времени уже умер, а мать была безнадежно больна, и ей не стали показывать фото. Но у полиции Керкуолла не было сомнений. И его похоронили в дальнем углу церковного кладбища, на окраине Винчестера. Никому и в голову не пришло посылать останки на север. Конец истории. Убийца не был найден. – Камминс снова посмотрел в окно, как будто искал там ответ, потом перевел взгляд на Ратлиджа: – Странное было расследование от начала до конца. Так и остался на душе осадок от него. Я хотел сам поехать в Керкуолл, но Оркнейские острова находятся на самом севере Шотландии, и в Скотленд-Ярде решили, что это будет только пустая трата денег. Но мне хотелось знать о Харви побольше, например, что привело его в Англию, где он пропал два года.

– А орудие убийства?

– Не нашли. Обыскали место, дюйм за дюймом, и пришли к заключению, что убийца унес его с собой. Оно могло быть где угодно, например, убийца мог от него избавиться – бросить с моста в реку, в мусорный бак или просто вернуть на то место, откуда взял. Да, еще. Странная вещь обнаружилась, когда коронер осматривал труп. Микроскопический кусочек кремня в ране. Такое впечатление, что в результате очень сильного удара он, прорвав ткань, застрял там. А это значило, что, во-первых, Уилер был одет, когда его убивали, хотя его одежда так и не была найдена, и что убийца приехал из той части Англии, где можно приобрести кремневый нож. И это дает пищу к размышлениям.

– Но он был убит в Стонхендже?

– Скорее всего, нет. Никаких следов борьбы. Может быть, его туда притащили уже мертвым, впрочем, могли усыпить сначала и тогда он был еще жив. Но коронер не нашел в теле следов наркотических средств. Может быть, он был оглушен перед смертью. Небольшое количество крови на месте преступления тоже говорило о том, что его убили раньше. – Камминс немного поколебался, потом продолжил: – Его лицо – вот что, пожалуй, меня беспокоило больше всего. Довольно красивый малый, хорошо сложен, больше похож на джентльмена, которым никогда не был. Как много женщин он обманул до этого?

– Я могу понять, почему убийство Уилера не идет у вас из головы.

– Учтите также, что оно осталось единственным делом, которое не было мною раскрыто. – Камминс скупно улыбнулся. – Наверно, я слишком высокого мнения о себе, но действительно горжусь своим послужным списком. Все звали меня Дотошный Камминс. Я всегда старался выявить все детали, а потом складывал общую картину из кусочков. Вы напомнили мне себя молодого, – улыбка стала шире, – вот и завещаю вам это дело. Если удастся его когда-нибудь раскрыть, дайте мне знать. – Он вернулся к прерванному занятию и после небольшой паузы предупредил: – Да, не позволяйте Боулсу обвинить вас в моем уходе, он обязательно попытается. Он вас не любит с того самого дня, как вы вернулись в Скотленд-Ярд после войны. Точно не знаю причины, но он всегда вставал преградой на пути вашего продвижения по службе и противодействовал представлению к награде. Он жесток и мстителен. Я его никогда не любил и не собираюсь сейчас притворяться, что это не так.

– Предупреждение принято. – Ратлидж был удивлен такой прямоотой.

– Что ж, мне надо закончить, – Камминс оглядел комнату, – еще понадобится две коробки. Надо все поскорее сделать, чтобы не оттягивать неизбежное. – Он протянул руку, и они обменялись крепкими рукопожатиями. – Желаю успеха, Иен.

– Спасибо, сэр. Надеюсь, после отставки ваша жизнь будет для вас приятной.

Ратлидж пошел к двери, но остановился, услышав вслед:

– Инспектор, я бы не возражал иногда получить от вас весточку.

И Камминс снова принялся укладывать книги.

Ратлидж пошел к своему кабинету, слушая, как громко стучат его каблуки по голому дощатому полу. Интересно, будет ли он в конце своей карьеры оглядываться назад и вспоминать загадочные и нераскрытые дела, как сейчас Камминс.

«Ты должен сначала столько же продержаться и выжить, чтобы покинуть службу на своих двоих», – тут же отозвался эхом на его мысли Хэмиш.

Голос Хэмиша был его наказанием за то, что он совершил во время войны. Голос не прощающий и не забывающий. Беспощадный, неумолимый, как и та вина, которая мучает его.

Хэмиш Маклауд, несмотря на большую разницу в званиях на момент, когда был тот бой, мог считаться его самым близким по духу товарищем. Этот молодой горец, несомненно, стал бы сержантом, если бы пережил злосчастный бой. Он был прирожденным лидером, который заботится о своих товарищах и хорошо понимает тактику сражения. Но именно это его и погубило. Маклауд отказался выполнять приказ, что в условиях военного времени расценивалось как трусость, предательство, за это полагался расстрел. Но Маклауд никогда не был трусом и предателем, а его отказ повиноваться был продиктован возмущением и несогласием вести измученных, упавших духом солдат на еще один бессмысленный штурм, еще одну бесполезную попытку уничтожить пулеметное гнездо противника. Конечно, Ратлидж тоже понимал, что в атаке многие погибнут, но у него не было выбора – приказ есть приказ, надо было заставить замолчать пулемет перед тем, как начнется наступление. Следовало пожертвовать ими, чтобы спасти многих других. Маклауд был расстрелян. Это был показательный расстрел за неподчинение приказу на поле боя. Военная необходимость. Но по человеческим меркам Ратлидж заслужил презрение к себе этим поступком.

Были убиты тысячи хороших парней за полосу земли, и, поскольку тот бой не приблизил конец войны, их смерть была напрасной. Решение, принятое в главном штабе старшими офицерами, разрабатывавшими стратегию, которая с самого начала была обречена на провал, закончилось морем крови. Этим штабистам не приходилось смотреть в глаза усталым и измученным солдатам и просить их в очередной раз взять высоту и бесславно умереть. Смерть Маклауда стала кульминацией этой кровавой каши.

Доктор Флеминг объяснял это лучше, хотя его объяснения не приносили облегчения Ратлиджу.

– Вы не можете принять смерть этого человека и таким образом не даете ему уйти. Он олицетворяет каждого молодого солдата, которого вы пытались убересть, но не смогли. Для вас он символ, квинтэссенция вины, которую вы

будете нести неизвестно как долго. А может быть, это останется с вами навсегда и, когда умрете, возьмете Маклауда с собой в могилу.

Он слышит голос Хэмиша Маклауда так ясно, как будто тот стоит за его спиной или рядом, как часто бывало в бою. Объяснения доктора ничего не могли изменить, равно как и облегчить боль. Впрочем, ничто и никто на этой земле не мог бы прекратить пытку и заставить замолчать этот голос, который никто не слышал, кроме Ратлиджа. Он мог сомневаться в чем угодно, только не в том, что Хэмиш его никогда не простит. Да он и сам не простит себя, выбора у него нет в любом случае. Он обречен на муки совести. И голос Хэмиша не дает ему об этом забыть.

Как сейчас. Пытаясь отвлечься от голоса с мягким шотландским акцентом, который все продолжал что-то бубнить, Ратлидж разбирал бумаги на своем столе, но никак не мог вникнуть в их содержание. Он знал, что ему будет не хватать Камминса. Уже пошли слухи, что инспектор Майклсон выдвинут на повышение, чтобы занять место старшего инспектора.

Глава 3

Истфилд, Суссекс, Гастингс-роуд, июль 1920 года

Истфилд ничем не прославился в истории Англии – ни красотой, ни историческими или политическими событиями. Начинался он с маленькой деревушки в том месте, где дорога из Гастингса после подъема и небольшого прямого отрезка поворачивала на восток и где находился обширный луг. Он служил пастбищем для усталых быков и лошадей перед тем, как они спускались вниз, в город, или, наоборот, после подъема из города. Постепенно этот луг был взят в кольцо всякими хибарами, где предприимчивые люди предоставляли проезжающим различный сервис. Здесь были таверна, кузница, где можно подправить подковы, и даже бордель для нужд уже другого рода. Выстроенное заново аббатство в Бэттле скоро прибрало деревушку к рукам, чтобы спасти заблудшие души ее обитателей и пополнить доход.

При расформировании и разграблении монастырей во времена Генриха VIII деревушка перешла во владение сторонников короля, что никак на ней не

отразилось. К 1800 году, когда для потомков владельцев наступили тяжелые времена, деревушка была забыта, хотя луг по-прежнему служил бесплатным пастбищем для всех проезжающих по дороге в Гастингс и обратно. Пока не нашелся некий сквайр – выскочка и самозванец, который увидел здесь возможность разбогатеть и стал собирать деньги с проезжавших.

Расцвет края начался во времена правления Виктории. Гастингс стал разрастаться, продавая свои товары голодным рыбакам и жителям маленького порта, расположенного на другом конце долины. Вместе с ним стал расти и Истфилд.

К 1880 году у городка появился неплохой шанс для развития, так как владельцы маленькой фирмы, производившей для рыбаков снасти, ящики для рыбы и другие нужные предметы, подметили тенденцию последних лет – люди стали приезжать на побережье и принимать морские ванны. Вследствие этого увлечения на берегу возник ряд отелей, которые нуждались в хорошей мебелировке, чтобы угодить требовательным постояльцам. Таким образом, в Истфилде стали изготавливать мебель, что принесло дополнительный доход в казну города. Второй период расцвета наступил, когда братья Пирс решили расположить свой пивоваренный заводик в трех заброшенных зданиях на дальнем конце Гастингс-роуд. Потом французы-изгнанники открыли маленькую латинскую школу и неплохо зарабатывали, давая образование сыновьям и дочерям тех, кто мог себе это позволить.

Пивоварение, мебельное производство и латинская школа придали Истфилду новый блеск. Дочери основателя школы сменили французскую фамилию и из дю Туа превратились в Тейт, а когда умер их отец в 1913-м, передали бразды правления племяннице – миссис Фаррелл-Смит, молодой вдове.

К 1900 году Истфилд удвоил свою численность, а к 1914-му с гордостью отправил своих сыновей воевать во славу Короны в Первой мировой.

После они даже получили письменную благодарность от самого короля, а пивоварня выпустила новый сорт пива под названием «Пикардийская роза». Это пиво неожиданно стало весьма популярным сначала у солдат, а с окончанием войны у бывших солдат. Пиво с фирменной стрелой на этикетке стало известно в Кенте, Суссексе и Суррее.

Вполне довольные своей жизнью, жители Истфилда не видели в своем будущем ничего такого, что могло бы помешать их дальнейшему мирному существованию, такому же безоблачному, как прошлое.

И вдруг в ночь на пятницу в июле 1920-го эта иллюзия рухнула.

Уильям Джефферс и не подозревал, какой удар готовит ему судьба, когда вошел в паб «Победитель» на одной из задних улочек Истфилда.

Под свежим вечерним ветерком знак у входа в паб в ржавой рамке покачивался и поскрипывал. На одной стороне его можно было видеть армаду нормандцев, бросившую якорь у берегов Англии, – по этому поводу часто спорили, какой порт изобразил художник – Гастингс или Певенси; на другой стороне Вильгельм Завоеватель высоко поднимал меч, празднуя свою знаменитую победу над королем Гарольдом на холме Сенлак.

Внутри паба уже стоял густой табачный дым. Бармен с улыбкой поздоровался с Джефферсом, редким гостем. Он держал ферму, и у него было слишком мало свободного времени по вечерам и еще меньше денег на праздные утехы. Но он ежегодно отмечал здесь день, когда получил рану, которая послужила причиной его досрочного возвращения с фронта и чуть не стоила ему жизни.

Джефферс уселся за угловым столиком с первой пинтой пива, предполагая в течение вечера выпить столько, сколько в него влезет.

Он покинул бар за полчаса до закрытия и направился по дороге в сторону церкви.

Уже смеркалось, когда он присел на низкую каменную стену церковного кладбища и стал смотреть на закат. Он сидел, пока солнце не село и не начали сгущаться длинные ночные тени. Хотя Джефферс вообще-то редко молился, сейчас он шептал молитву по погибшим товарищам. Большинство из них не были похоронены здесь, во дворе церкви, они остались лежать во Франции. Но он помнил о них.

Потом он встал и направился к окраине городка, туда, где пересекались Абби-стрит и Гастингс-роуд. Он пошатывался, но не был слишком пьян, хотя выпил много. Завтра он должен подняться в половине пятого утра, чтобы доить коров.

Сегодняшний вечер был исключением, когда можно раз в год забыть про обязанности. Дырка на его груди давно превратилась в грубый и безобразный рубец, но временами давала о себе знать ноющей болью. Четыре года. Его тело уже забыло боль и ужас, слабость от потери крови. Но память хранила. Память сохранит тот день навсегда. И сегодня он пытался залить эти воспоминания.

Он споткнулся о камень, пошатнулся, но обрел равновесие и пошел дальше. Ферма была примерно в миле отсюда. Сегодня путь показался длиннее в два раза. Наверху сияли, подмигивая, звезды. Джефферсу казалось, что он слышит их. Дед часто говорил ему, когда он был мальчиком: «Слушай звезды, Билли. Прислушайся. Слышишь?»

И он вслушивался сквозь ночные шорохи и мог поклясться, что слышал их.

Сзади стукнул камень, и он повернулся посмотреть, кто там. Никого, просто показалось. В такой час дорога принадлежит ему одному.

Мозг был затуманен выпитым пивом. Жена непременно выскажется по этому поводу, когда он явится домой. Он тряхнул головой, пытаясь прояснить ее, но тщетно.

Он снова споткнулся, негромко выругался. И услышал, как чей-то голос окликнул его по имени. Джефферс обернулся, чтобы посмотреть, кто это. Вглядываясь, он увидел слабо освещенное лицо, но черты были смутными, он не мог сосредоточить взгляд.

– Я знаю тебя? – спросил он.

– Знал. Когда-то.

– Прости, не помню.

– Ничего, это не важно.

Джефферс кивнул.

– Нам по пути?

– Нет. Спокойной ночи.

Он побрел дальше, оставив незнакомца стоять на дороге. Ему хотелось скорее лечь, от выпитого его подташнивало.

Что-то, сверкнув в свете звезд, пролетело над его головой. И вдруг ударило по горлу так, что у него перехватило дыхание. Джефферс судорожно забился, пытаясь вдохнуть, но эта штука все глубже впивалась в горло, и скоро все было кончено.

Уильям Джефферс был первым в списке.

Три ночи спустя Джимми Роупер сидел в сеннике и доил корову по кличке Данделион. Корова отличалась дурным нравом, поэтому доить ее было занятием не из легких. Но она давала столько молока, что стоила всех хлопот, связанных не только с характером, но в том числе с ее здоровьем, она страдала коликами. Ее телята наследовали ее качества по удивительному надою и тем самым значительно улучшали показатели всего стада.

Джимми устал, сегодня выдался тяжелый день, и он не мог дождаться, когда можно будет лечь спать. Он унаследовал ферму от отца и вместе с ней его терпение. Если бы у Джимми был выбор, он предпочел бы работать на пивоварне, но, поскольку был единственным сыном, ему ничего не оставалось, как продолжать фамильное дело.

Он услышал, как скрипнула дверь сарая, и выглянул из стойла посмотреть, кого принесло.

– Па? Это ты? Я же сказал, что зайду к тебе в комнату, как только закончу дела.

Ответа не последовало. Отец не должен был вставать и тем более ходить, он будет потом долго задыхаться и еще больше ослабеет.

Джимми поднялся, чувствуя, как затекла нога от долгого сидения в неудобной позе, поднял с пола фонарь и вышел из стойла. Пройдя мимо лошадей, которые мирно дремали, не обращая на него внимания, он увидел, что входная дверь

приоткрыта на несколько дюймов, но в сарае никого не было. Может быть, отец потерял сознание?

Он быстро подошел к двери и выглянул наружу. Там, под навесом коровника, в тени, стоял какой-то человек. Не отец, потому что человек был выше ростом, прямее и моложе. Джимми не мог разглядеть его лица как следует. Но человек был ему незнаком. Кто-то опять ищет работу. За последние полгода он мог нанять дюжину таких, они брели по дороге в надежде найти любую работу. Но ферма с трудом могла прокормить семью, и он уже устал разочаровывать этих людей. Он сам расстраивался, видя, как их надежда сменяется отчаянием.

- Ищете меня? - спросил Роупер и, не дожидаясь ответа, быстро продолжил: - Простите, я сейчас дою корову. Не можете подождать?

- Это может подождать, - сказал человек, - идите к своей корове.

Роупер кивнул и вернулся к стойлам, оставив из вежливости дверь широко открытой. Данделион стояла около кормушки, мерно жуя сено, которое он для нее туда положил, и он мог поклясться, что в ее черных выпуклых глазах мелькнули надежда и ожидание.

- Тебе просто нужна компания, - он почесал ее между рогами, - считаешь, что слишком хороша для коровника, еще бы, ты у нас лучшая. Самая лучшая. - Он давно подозревал, что корове больше нравится в стойле, где она провела первый год жизни, потому что болела, там за ней ухаживали и было тепло. - Ладно, оставайся, если хочешь. А я пошел спать.

Всхрапнула лошадь и беспокойно задвигалась в своем стойле. Роупер вздрогнул, почувствовав за спиной движение. Но не успел обернуться. Что-то сверкнуло перед глазами в свете фонаря и ударило по горлу, прежде чем он поднял руки для защиты. Удавка вонзилась в кожу и стала впиваться. Джимми сквозь удушье почувствовал, как кровь течет по шее. Он видел еще, как Данделион метнулась прочь, в угол стойла, и в огромных белках ее выпуклых глаз мелькнул страх, но ему было не до нее, он сражался за свою жизнь, пытаясь вдохнуть, и не мог. Человек, стоявший сзади, обладал пугающей силой. Теряя сознание, Роупер упал на колени на земляной твердый пол. Последняя его мысль была: фонарь сейчас перевернется.

Так Джимми Роупер стал второй жертвой.

Третьим стал сын владельца пивоварни. Пивоварня занимала три каменных здания, когда-то принадлежавшие аббатству. Они были частично разрушены, но, поскольку аббат строил на века, неплохо сохранились. Так что дедушка Пирс купил их, отремонтировал и заработал на них целое состояние.

Пивоварня находилась там, где дорога из Гастингса поворачивала на Бэттл. Сначала семья занимала третье здание, но, разбогатев, переехала в прекрасный дом на Абби-стрит.

Это было в прежнем поколении, и теперь Тирел Пирс, отец Энтони, слыл уважаемым человеком в обществе. Энтони воевал, вернулся, потеряв ногу в бою, но это не помешало ему занять свое место в деле отца. Он начинал постепенно – с возницы подвод, потом помощником мастера пивоваренного цеха, вникая в детали процесса. Его отец был уверен, что владелец должен досконально знать свой бизнес – от начала до конца.

В эту ночь – третью после смерти Джимми Роупера – Энтони Пирс вернулся в цех, чтобы еще раз взглянуть на датчик температуры в новом котле. Он явно барахлил, его надо было либо починить, либо ставить новый. Мастер уже пытался его отремонтировать, но безуспешно. Отец говорил, что поставщик в Лондоне сообщил, что понадобится три дня, чтобы доставить новый датчик. Это означало, что сусло будет непригодным и они понесут убытки.

После ужина Энтони пошел в пивной цех, чтобы еще раз попробовать спасти прибор. Ему всегда нравился здешний запах, немного кисловатый, насыщенный дрожжами и хмелем, особенно густой летней теплой ночью. Дверь в цех никогда не запиралась. Он зажег фонарь, вошел, поднялся по лестнице и подошел к скамье, где мастер оставил инструменты. Поставив фонарь на пол, он занялся делом, но, проработав несколько минут, бросил бесполезное занятие. Мастер прав – прибор не подлежал ремонту. Придется смириться и ждать, когда привезут новый. Только придется выгрузить содержимое котла, вычистить, вымыть его, что займет в лучшем случае часов двенадцать...

Он покачал головой и положил инструменты на прежнее место.

Энтони Пирс во время войны был офицером и привык командовать людьми. Он и здесь хорошо ладил с рабочими, знал каждого. Услышав, как заскрипела входная дверь, он крикнул:

– Я здесь! Это ты, Фред? Все бесполезно. Я завтра сам поеду в Лондон и посмотрю, что можно сделать. Надо менять эту проклятую штуковину.

Но человек, который поднялся по ступеням к нему наверх, не был мастером. Он вообще был ему незнаком. Пирс нахмурился:

– Сюда нельзя входить посторонним. Вам что-то от меня нужно?

Незнакомец спокойно отозвался:

– Не совсем. Я думал, вы меня помните.

Решив, что он ищет работу, Пирс спросил:

– Вы хотите наняться?

– Нет, я пришел просто вспомнить старые времена.

– Я уже закончил здесь. Пойдемте со мной.

Он похромал, проклиная новый протез и пытаясь по дороге вспомнить, не служил ли с этим человеком. Лицо, однако, незнакомое. Одет хоть и просто, но одежда хорошего качества. Значит, работу не ищет.

Когда они подошли к лестнице, человек пропустил его вперед:

– У вас, кажется, новый протез. Идите первым.

Пирс поколебался, но потом согласился.

– Ладно, – сказал он и начал спускаться, держась одной рукой за перила.

Он слышал сзади шаги, они приближались, человек просто дышал ему в затылок, и Пирсу вдруг стало не по себе. Наверное, из-за нового протеза он идет слишком медленно, боится упасть. Они спустились. Пирс направился к двери. Он уже собирался толкнуть тяжелую дверь, когда осознал, что сзади происходит что-то странное. Он начал оборачиваться, желая пропустить незнакомца вперед, и тут перед глазами что-то сверкнуло.

Для инвалида он оказал неплохое сопротивление, но оно было бессмысленно. Он не мог справиться с убийцей. Последнее, что он услышал, прежде чем провалиться в небытие, были слова, которые человек прошептал ему на ухо. Когда первые рабочие явились утром в цех, он лежал на каменном полу в нескольких футах от двери. Тело уже остыло.

Глава 4

Ратлиджа дома ждало письмо. Поднимая конверт с пола, он сразу узнал почерк. Положив шляпу на столик у двери, он прошел к окну, на ходу вскрывая конверт и вытаскивая оттуда единственный лист бумаги. В голове мелькнула безумная мысль, что письмо от Хэмиша, но он загнал ее подальше и стал читать. Приветствия и обращения не было.

«Пишу, чтобы попрощаться. Я принял решение, и к тому времени, как ты станешь читать мое письмо, обратного пути уже не будет. Я пытался, Иен. Но война изменила меня, изменила мою семью, все вокруг, и жить как раньше стало невозможно. Я ходил к доктору Флемингу, как ты советовал. Доктор хороший человек, он пытался и сделал все, что мог. Но и он оказался бессилён. Перед тем как решить, что другого выхода нет, я долго раздумывал, пока не понял окончательно. Хочу, чтобы ты знал следующее. Я уладил все финансовые дела, и моя жена не будет нуждаться, думаю, ей будет теперь даже легче, чем было со мной. Самое худшее – ночные кошмары и оглушающий грохот орудий, который потом вызывает глухоту и изолирует от людей. Моя жена должна была кричать, чтобы задать самый простой вопрос, но и тогда я с трудом мог ее расслышать. Какая уж тут нежность. Я спал в другой комнате, чтобы не будить ее своим метанием, криками, стонами, а утром я ничего не помнил. Но помнила она. Мы были едва знакомы, когда поженились в 1914-м, и так и не смогли выстроить

отношения, которые позволили бы скрепить брак. Я устал, Иен, не могу тебе передать, как я устал. И это единственный путь к покою. Прости, если сможешь. Молись обо мне, но знай, что решение далось мне нелегко, хотя я давно знал, что оно единственное. Прощай, мой друг. Надеюсь, ты найдешь свой путь. Ты так и не женился на своей Джин, но в этом твое спасение. Я видел, как с каждым днем та, которую я любил больше всего на свете, отдаляется и любовь в конце концов исчезает, остаются лишь страдание и стыд. Это разрывало мне сердце. Итак, прощай. И да помилует Бог нас обоих».

Внизу подпись: «Макс».

Ратлидж долго смотрел на письмо, потом перечел. Оно было датировано двумя днями раньше. Поздно. Слишком поздно.

Максвелл Юм был капитаном артиллерии, с которым Ратлидж познакомился в самом начале войны. Он был опытным и грамотным офицером, его любили подчиненные и начальство. В начале войны два друга вместе провели отпуск, который просидели в разрушенном замке из-за невозможности поехать ни в Париж, ни в Лондон. Они подружились, скрепляя дружбу шутками и вином, которого было в избытке в подвалах замка. Время прошло незаметно. Оба видели друг в друге отражение себя самого, какими были до войны, хотя они были разными, как день и ночь. Макс любил посмеяться, пошутить и вечно подбивал на приключения. Он всегда говорил, что артиллеристы любят юмор, и приводил в пример Наполеона. Иен сохранял трезвую голову и всегда мог уберечь друга от опрометчивых поступков, не давая ему сломать шею в рискованных вылазках по разрушенным лестницам, которые могли в любой момент развалиться, и каминным проходам. Их влекли неумемная тяга к приключениям и веселое любопытство.

Они договорились с пожилой женщиной из ближайшей деревни готовить им и стирать одежду, при этом закрывали глаза на ее слабость – она была вороватой. Они облазали весь замок, нашли прекрасную библиотеку и проводили вечера за чтением. Это было единственное время за всю войну, когда Ратлидж не задумывался о сделанном и увиденном. Слепая уверенность в том, что война закончится в первый же год, все еще объединяла людей, даже когда у многих стало наступать прозрение. А потом пришли тяжелые, невыносимые, ломавшие человеческие души годы.

Ратлидж всегда подозревал, что именно орудия Макса Юма били недолетом, накрывая огнем их атаку в ту ночь, когда был расстрелян Хэмиш. Но они об этом не говорили, когда встретились вновь. Оба изменились, были потрепаны войной и находились на грани нервного срыва. Некоторые вещи лучше было не уточнять.

Но, вероятно, Макс не мог об этом не думать, и это стало ложкой дегтя в его прежде безупречной карьере.

Ратлидж отложил письмо, налил себе выпить и молча поднял тост за Макса Юма. Потом пошел в спальню собирать вещи.

«Эй, – опять раздался голос Хэмиша, который особенно доставал его в минуты стресса и плохого настроения, – ты думаешь, эта женщина захочет тебя видеть?»

Вопрос застал Ратлиджа врасплох. Он услышал собственный голос, отвечавший шотландцу:

– Я был другом Макса. И это единственное, что сейчас могу для него сделать.

«Ты снова напомнишь ей о войне. И она тебе не скажет спасибо».

Через полчаса он сообщил в Ярд, что уезжает, сказал, где можно его найти, и отправился в Глостершир. Он раньше никогда не был в Чезуэлле. Маленький город, Макс часто о нем рассказывал и звал к себе. Однако после войны редко кто мог позволить себе ездить в гости просто так. Но они переписывались.

Было уже поздно, когда он туда приехал и остановился в маленькой гостинице на главной улице. Он надеялся прибыть не слишком поздно, этим же вечером, чтобы увидеться с Розмари, тем не менее дорога заняла больше времени, чем он ожидал.

На следующее утро он отправился к Розмари. Дом Юма стоял в отдалении от дороги, с садом перед домом. От улицы сад отделяла низкая стена. Он поднялся по двум ступенькам и по заросшей травой тропинке прошел к дому. Не успел он поднять дверной молоток, чтобы постучать, как дверь распахнулась. Розмари

Юм возникла на пороге, в глазах ее читалось страдание. Ратлидж растерянно сказал:

- Вот, приехал. Помочь, чем могу.

Она бросилась к нему на шею и заплакала. Он раньше никогда не видел ее слез. Наконец она оторвалась от него, сердито вытерла глаза прежде, чем он успел предложить ей платок. За ее спиной в доме раздавались голоса. Она прикрыла дверь, отсекая их, и сказала:

- Он застрелился. Прошел в дальний угол церковного двора и там выстрелил в себя, я не была первой, кто его увидел. Ко мне пришли и сказали, что он мертв, и мне захотелось взять его револьвер и выстрелить в него еще раз. Бедный, потерянный, проклятый идиот.

- Он написал мне. Но когда письмо пришло, было уже поздно.

- Мне он оставил короткую записку. Что любит меня слишком сильно и не хочет больше тащить с собой в пропасть своего отчаяния, и просил прощения. И все, - сказала Розмари. - После того, что мы вместе вынесли, сколько я приложила сил, чтобы вытащить его из депрессии, все, что я заслужила, - несколько слов. А я заслужила больше, Иен, и должна была знать о его намерениях, а главное, почему! Я бы приняла любое признание, каким бы тяжелым для меня оно ни оказалось. Но он исключил меня из своей жизни.

Розмари была маленькая, тоненькая женщина со светлыми волосами, скорбными складками у рта и голубыми глазами, под которыми сейчас были темные круги.

Ратлиджу приходилось за время службы бесчисленное количество раз приносить в дома горестные вести.

- Розмари, это естественно, что ты сейчас зла на Макса. Он просто не мог сказать тебе, признаться в том, что потерпел полное крушение. Так он видел свою жизнь, полным провалом, и поэтому уход считал своим глубоко личным делом.

– Ты слишком долго прослужил в полиции, Иен, – холодно ответила Розмари, – ради бога, я же была ему женой. Что сказано в Библии? О мужчине и женщине, которые должны прилепиться друг к другу. А клятвы перед священником в церкви? А о том, что надо прощать? Но я его никогда не прощу. До самой смерти не прощу ему это.

С этими словами она распахнула дверь ипустила его в дом.

И Хэмиш тут же напомнил: «Ну, что я тебе говорил?»

Ратлидж, стараясь загнать его голос подальше, в глубь мозга, вошел в комнату, полную родственников и друзей. Пятнадцать человек стояли, сидели кое-где и тихо разговаривали. Розмари представила его собравшимся, среди них было несколько знакомых по армии офицеров. Были ее родители. Родители Макса умерли во время войны, остался только двоюродный брат, он сидел сейчас в кресле около балконных дверей, ведущих в сад, лицо его было искажено, он дышал с трудом, говорить почти не мог, только несколько слов и сразу замолкал.

Ратлидж раньше не встречался с ним. Брата звали Реджинальд Юм. Они пожали друг другу руку.

Макс, рассказывая, что брат учительствовал в Англии, но вернулся жить в Шотландию, как-то шутя заметил: «Унаследовал семейное гнездо на острове Скай и набил его книгами. Чтение предпочел общению с людьми. Даже не приехал на мою свадьбу. Не удивлюсь, если пропустит и мои похороны». Это была шутка в духе Макса.

Из кухни доносились голоса, там раскладывали на тарелки еду, каждый из пришедших в знак сочувствия приготовил что-нибудь и принес с собой. Время текло медленно. Ратлидж поговорил с викарием.

– Вы ведь из Скотленд-Ярда? – спросил мистер Гремлинг. И когда Ратлидж согласно склонил голову, продолжил: – Если я правильно понял, вы приехали сюда как друг, а не как полицейский? Хорошо. Тогда вы будете рады услышать, какое я принял решение. Считаю, что капитан Юм умер в состоянии, когда его мозг был перегружен страданием. Раны войны имеют много разных видов. – Лицо викария стало решительным. – Я не вижу препятствий для захоронения его

тела на освященной земле, внутри церковной ограды.

– Действительно хорошая весть.

Ратлидж как раз думал об этом. Разумеется, будет проведено расследование. Он надеялся, что пощадят чувства Розмари.

– Вряд ли меня вызовут свидетелем. – Ратлидж не собирался зачитывать коронерскому суду письмо Юма, которое сейчас лежало у него в кармане.

– Конечно, зачем обнажать ваши личные чувства, – согласился мистер Гремлинг, понимая его состояние. – Макс всегда посещал церковную службу вместе с женой, даже если находился в таком состоянии, что не слышал произносимой проповеди. Я могу засвидетельствовать, если потребуется, что он выполнял свой долг как верующий, и церковь выполнит свой долг перед ним.

– Я нахожу ваше решение очень мудрым, – сказал Ратлидж, и викарий улыбнулся.

Мистер Гремлинг – начинающий седеть невысокий крепыш с мощными плечами, глубоко посаженными глазами, над которыми нависали лохматые брови, – имел суровый, даже зловещий вид до тех пор, пока не улыбался.

– Я не беру на себя осуждение моего прихожанина. Не вижу оснований брать на себя право Господа Бога. – Помолчав, он добавил: – Мы с Максом иногда беседовали откровенно. Часто переписывались на страницах блокнота, который я держал в столе. Я сжег листы. Я считал его своим другом.

Они еще поговорили о войне и о прошлом, пока Розмари не позвала Ратлиджа помочь подняться наверх Реджинальду, чтобы тот прилег отдохнуть.

Реджинальд казался бледной тенью брата. Тоньше, светлее, черты лица не так обозначены, потому что искажены болью и страданием. Каждый вдох стоил ему невероятных усилий и был борьбой за жизнь. По виду он был больше похож на человека, способного свести счеты с жизнью, чем погибший. Но, несмотря на физическую немощь, в его взгляде виделось упорство, что отражало твердый характер. Откинувшись на подушки, он поблагодарил Ратлиджа и с трудом

выговорил:

– Я приехал поддержать Розмари. Ради нее, не ради Макса. Он часто говорил, что не хочет видеть меня на кладбище.

– Розмари нужна будет ваша поддержка.

– Я любил ее с самого начала, с первого взгляда. Макс знал об этом. Он знал, что я если и приду, то ради нее.

– Отдыхайте, пока можно, – сказал Ратлидж, – я присмотрю за ней.

Он ушел. Хрипкое, сдавленное дыхание провожало его, пока он не закрыл дверь. На ступеньках лестницы сидела Розмари, он думал, что она плачет, но она просто сидела, упершись взглядом в пространство. Она обернулась, услышав его шаги:

– Как он?

– Отдыхает. Ему это необходимо.

Она кивнула:

– Он тоже получил письмо.

– Правда? – Ратлидж не спросил о содержании.

– Все получили, кроме меня. – С этими словами Розмари решительно поднялась и стала спускаться, не оглядываясь.

Похороны на следующий день были хорошо организованы, на них пришло много народу, хотя люди знали в основном Розмари, которая прожила здесь всю жизнь, а Макс всего восемь лет, из которых четыре пробыл на войне. Ратлидж был рад, что она не останется без поддержки.

Служба в силу обстоятельств была простой и недолгой, и вскоре настало время проводить деревянный гроб к месту последнего пристанища.

Ратлидж смотрел, как его медленно опускают в землю, и, когда взял горсть земли, чтобы в свою очередь бросить на крышку, услышал голос Хэмиша: «Это не выход. Тебе не стоит лежать здесь».

Хэмиш знал, что такие мысли у него возникали постоянно. «Нет. Пока нет», – ответил он сам себе, посмотрел, как комья земли разбиваются о крышку, и пошел отвезти домой Розмари и Реджинальда Юма. Его машина стояла наготове за воротами церкви.

Около машины он увидел констебля. Тот сделал знак Ратлиджу. Розмари усадила Реджинальда поудобнее.

– Надеюсь, что у него останутся силы, чтобы поесть.

Она подняла голову, желая что-то еще сказать Ратлиджу, но в это время к нему уже обратился констебль:

– Вы инспектор Ратлидж?

– Да, это я.

– Вам сообщение из Скотленд-Ярда, сэр. Просили срочно приехать в Суссекс, в Истфилд, это недалеко от Гастингса. Дело безотлагательной важности.

Ратлидж посмотрел на Розмари.

– Сначала отвезу своих друзей, – сказал он констеблю.

Коронерское расследование было назначено на вторую половину дня – Розмари просила отложить его до похорон. Он знал, что она ждала его, хотела, чтобы он присутствовал.

– Иен? – Она вопросительно посмотрела на него.

– Я позвоню в Ярд. Может быть, не так срочно.

Она покачала головой:

– Тебе лучше поехать.

Ратлидж удивился:

– Но я думал, что тебе понадобится...

Она не дала говорить:

– Со мной друзья и родственники. Мне больше не нужен Макс. Ни ты, ни его друзья.

Он хотел возразить, но поймал предупреждающий взгляд Реджинальда.

Поколебавшись, он сказал:

– Понимаю. Ты знаешь, где меня найти, если передумаешь.

– Я не передумаю, – решительно возразила она.

Он довез их до дому, и она протянула руку:

– Спасибо, что приехал, Иен. Я ценю это, Макс по-своему любил тебя. Наверное, потому, что ты понимал его лучше, чем мы. Спасибо за это и прощай.

Она повернулась спиной, готовая помочь Реджинальду.

У того лицо было непроницаемым. Он подал руку Иену. И когда Розмари прошла вперед, чтобы открыть дверь, и не могла их слышать, добавил:

– Я рад, что ты приехал. Не пропадай, давай о себе знать. Буду рад получить от тебя весточку.

Розмари повела Реджинальда к дому по тропинке. Ратлидж посмотрел им вслед, потом повернулся, чтобы ехать в полицейский участок.

Но констебль, его звали Бекер, сказал, что другой информации, кроме коротенького сообщения, о котором он уже знает, нет.

– Меня позвали в гостиницу к телефону, звонил сержант Гибсон из Ярда. Я спросил, в чем дело, но он лишь сказал, что вы все узнаете в Истфилде. Еще мне сказали, по секрету, что дело настолько срочное, что даже не стали ждать старшего суперинтендента, который в тот момент отсутствовал.

– Заберу вещи из гостиницы и буду готов выехать через десять минут.

– Я взял на себя смелость, сэр, и попросил Саманту, чтобы она приготовила для вас сэндвичи, вам предстоит длинный путь. Вместе с бутылкой сидра.

Ратлидж поблагодарил констебля и уже менее чем через десять минут отправился в путь. В машину ему поставили корзинку с едой. Он должен был проехать мимо дома Юма, там окна были распахнуты из-за жары, и он мог видеть движущиеся внутри силуэты.

У него появилось ощущение, что он что-то забыл, но не смог вспомнить, что именно. Необходимо было сосредоточиться на дороге.

Весь длинный путь до места голос Хэмиша сопровождал его, пробиваясь сквозь шум ветра, врывавшегося в окна. Это была малоприятная компания. Голос говорил вещи, которые он меньше всего хотел услышать, проникая сквозь мелкие трещины в броне сознания.

О жизни Макса, о причине его самоубийства, о женщине, которая сначала плакала на плече Ратлиджа, пока не взяла себя в руки, а потом клялась, что ненавидит мужа.

Только один раз Ратлидж остановился в Хэмпшире, чтобы предложить подвезти женщину, которая несла большую корзину с рынка. Ему захотелось услышать живой человеческий голос кого-то постороннего, кто ничего не знает ни о нем, ни о его прошлом. Она благодарила, когда он высадил ее перед домом, не

подозревая, что помогла ему на короткое время просветлить затемненную сторону его сознания, где затаилась уверенность, что смерть Юма, покончившего жизнь самоубийством, предвещала его собственную.

Глава 5

Ратлидж провел в дороге всю ночь и въехал в Истфилд ранним утром. В туманной дымке вставало солнце, и можно было видеть последствия недавнего потопа. Очевидно, здесь всю ночь шел сильный дождь, на это указывали глубокие лужи и канавы, заполненные водой. Пара фермерских гусей с гоготом и хлопаньем крыльев купалась в старом корыте, очевидно служившем раньше кормушкой для лошадей и теперь тоже наполненном дождевой водой.

Он нашел полицейский участок, где-то в середине главной улицы. Он располагался в небольшом здании, втиснутом между лавкой скобяных товаров и магазином дамских шляп. Ратлидж поставил машину у входа и вошел внутрь.

Напротив двери сидел дежурный констебль. Он внимательно взглянул на незнакомого человека, в глазах появилось что-то вроде опаски.

«У него взгляд человека, – тут же подсказал Хэмиш, – который все время ждет неприятностей, с которыми боится не справиться».

Ратлидж назвал себя и добавил: «Скотленд-Ярд».

Мгновенно напряжение на лице констебля сменилось облегчением.

– Констебль Уокер, сэр, – представился он, – не ждал вас, сэр, по крайней мере еще пару часов.

Он вскочил и, обойдя стол, пошел навстречу.

– Из Ярда нам сообщили, что вы в Глостершире, сказали, что выезжаете. Вы быстро доехали. – Скупая улыбка осветила его простое лицо. – Я просто счастлив передать вам поскорее это дело. За все время службы такого не встречал. И

инспектор Норман из Гастингса тоже. Клянусь, просто из ряда вон шокирующие события. Мы и одного убийства не ждали, а тут сразу три. Сержант Гибсон сообщил, что к нам посылают одного из самых опытных людей Ярда. Все, чем могу помочь. Располагайте мной, сэр.

Ратлидж удивился такой оценке своей персоны. К чему бы это? Они никогда не были дружны с Гибсоном, единственное, что их объединяло, – неприязнь к старшему суперинтенденту Боулсу.

– Благодарю вас, констебль, – прервал он приветственные восхваления обрадованного Уокера, но тот уже спешил мимо него к двери.

– Вы не последуете за мной, сэр? Я обещал мистеру Пирсу привезти вас сразу, как только вы появитесь. Он сам все расскажет. Его сын стал третьей жертвой.

– Не думаю, что будет правильно говорить с мистером Пирсом прежде, чем вы доложите об обстоятельствах дела. – Ратлидж вышел вслед за констеблем на улицу, но остановился около своего автомобиля.

Уокер обернулся.

– Они разве вам ничего не рассказали в Ярде? – неуверенно спросил он. – Но я все растолковал сержанту, с которым говорил...

– Ничуть не сомневаюсь. Однако, как вы сами сказали, я в то время был в Глостершире, и мне приказали сразу явиться сюда, ничего не объяснив.

Уокер продолжал смотреть с недоумением.

– Но я думал... – Он быстро опомнился и доложил: – Это мистер Пирс попросил старшего инспектора привлечь Ярда. Полиция Гастингса хотела расследовать дело, но мистер Пирс посчитал, что им не справиться одним. Это было хладнокровное убийство, сэр, и поставило на уши весь Истфилд. Три человека за девять дней. Все трое гарротированы, оружие на месте преступления не найдено. Уильям Джефферс, потом Джимми Роупер, через три ночи, и еще спустя три – Энтони Пирс. Фермер, владелец молочной фермы и сын хозяина пивоварни. Первый шел ночью один, и его нашли мертвым на дороге. Второй

сидел в сарае около больной коровы. А третий – в цехе, когда чинил неисправный измерительный прибор. – Уокер явно был потрясен. – Кто убил их, как он узнал, что они будут в этот момент одни? И почему эти трое? И будут ли следующие? Кто? Я? Сын моего соседа? Работник, нанятый для уборки урожая?

Ратлидж внимательно слушал.

– Трое убиты. И нет видимой связи между ними? За исключением того, что они были убиты, когда находились одни? И, вероятно, одним и тем же орудием?

– Ну, есть у них кое-что общее – война, сэр. И возраст примерно тот же. Все воевали во Франции. Прошу вас, сэр, поговорите с мистером Пирсом.

Ратлидж согласился с видимой неохотой. Это было не по правилам – разговаривать с гражданским лицом, чтобы тот посвящал в детали преступления. Но по тревожному выражению лица Уокера он понял, что Пирс – важный человек, с которым принято считаться в Истфилде, и, пока неизвестно, с чем придется иметь дело, можно его выслушать. Оставив автомобиль у входа в участок, он проследовал с констеблем к высоким кирпичным зданиям пивоваренного завода. Над главным входом блестела позолоченная стрела, над ней надпись большими буквами «Братья Пирс». Ратлидж понял вдруг, что это то самое популярное пиво со знаменитой эмблемой «Пикардийской розы».

Старший Пирс находился в кабинете, обставленном в старомодном, но элегантном стиле, с отделкой из дуба и портретами основателей на стенах, а также большим мраморным камином. Высокий мужчина поднялся им навстречу, когда Ратлиджа и констебля ввел туда пожилой клерк. У него был пронзительный взгляд и непроницаемое выражение лица. Он обошел стол.

– Доброе утро, констебль.

– Это инспектор Ратлидж, мистер Пирс. Из Скотленд-Ярда, как вы и просили.

Пирс протянул руку Ратлиджу, и они обменялись рукопожатиями.

– Мне сказали, что сначала вы предпочитаете объяснить мне, что произошло у вас в Истфилде. – Тон Ратлиджа был спокоен и индифферентен.

Пирс подвел их к креслам около камина.

– Прощу прощения, мистер Ратлидж. Констебль Уокер вел это дело с присущим ему мастерством, и я ему благодарен. Но я имею персональный интерес и сделаю все, чтобы найти этого маньяка. Два дня назад мой сын стал его третьей жертвой. Мои действия не означают, что я считаю своего сына более важной персоной, чем двое других, но жена Уильяма Джефферса и отец Джимми Роупера не способны за себя постоять. Их потеря была такой же тяжелой, как моя, но они замкнулись в своем горе. Кроме того, их некому заменить на работе, а в моем распоряжении целый штат, поэтому здесь могут обойтись без меня несколько недель.

– Понимаю, – отозвался Ратлидж, ожидая, что последует за этим высказыванием.

Пирс привык командовать людьми, и вполне возможно, что и миссис Джефферс, и отец Джимми Роупера были ему благодарны за то, что он взял на себя непривычные для них хлопоты.

Откашлявшись, стараясь исключить эмоции, Пирс начал рассказывать:

– Констебль Уокер узнал первым про смерть Джефферса, которая произошла после полуночи. Продуктовый фургон, за рулем которого был Сэмми Блэк, ехал по дороге через Истфилд в Гастингс. Поскольку у него были проблемы с машиной, он припозднился и ехал на несколько часов позже обычного. Проехав церковь, он заметил какой-то предмет посередине дороги. По его собственным словам, по виду он напоминал большой узел тряпья, упавший из грузовика мусорщика. Сэмми сбросил скорость, потому что объехать было невозможно, а проезжать по куче хлама не хотелось. Он и на войне был шофером, поэтому привык внимательно наблюдать за дорогой, где могли встречаться неожиданные вещи. Когда его фары осветили кучу тряпья, как он вначале предполагал, он вдруг понял, что на самом деле на дороге лежит человек. Он остановился, чтобы посмотреть, это пьяный или его сбила другая машина.

Сэмми вышел из фургона и, когда подошел, сразу понял, что человек мертв. Глаза его были широко открыты, а вокруг шеи и под головой натекла большая лужа крови. Он подумал, что человек сам перерезал себе горло. Оставив свой фургон так, чтобы никто не наехал на труп, он пешком пошел в город, прямо в полицейский участок.

Пирс повернулся к Уокеру:

– Я все правильно излагаю, констебль?

– Да, сэр. Точно так все и написано в показании, которое подписал Сэмми Блэк.

– Тогда предлагаю вам продолжить начиная с того места, где я остановился.

Уокер принял эстафету:

– Я иногда ночью на раскладушке в комнате над приемной, мистер Ратлидж. Моя жена умерла несколько лет назад, я не тороплюсь домой. Я услышал, как внизу мистер Блэк стучит в дверь, я как раз только лег. Я высунулся из окна и спросил, что ему надо. Он сказал, что только что нашел на дороге мертвого человека, и попросил с ним туда немедленно пройти. Я спросил, уверен ли он, что человек мертв. Он ответил, что повидал много мертвых на войне и поэтому уверен. Я все-таки захватил по пути доктора Гудинга с его чемоданчиком, на всякий случай. Мы взяли с собой фонари и, когда мистер Блэк отогнал грузовик в сторону, могли ясно разглядеть лицо человека. Мы, конечно, узнали его. Доктор Гудинг наклонился над ним, но сразу выпрямился и посмотрел на меня с ужасом. «Его гарротировали», – сказал он, я тоже наклонился, чтобы самому видеть. Это было единственным объяснением – разрез от железной удавки был глубоким, а лицо такого цвета, что сомнений не оставалось. Мистер Блэк отошел в кусты, я слышал, что ему стало дурно. Зная, что ночью здесь редко проезжают машины, мы стали осматривать место, пытаюсь отыскать какие-то следы, доктор хотел найти гарроту или тот предмет, который использовал убийца. Но ничего не было. Ничего, кроме тела на середине дороги. Доктор сказал, что мистер Джефферс уже был мертв некоторое время, час или более.

Рассказ Уокера был более эмоциональным, в то время как Пирс лишь скупно излагал факты. Ратлидж видел, что констебль по-настоящему потрясен случившимся. Ему не приходилось прежде сталкиваться с такой жестокостью в тихом, мирном городке.

– Доктор Гудинг взял с собой одеяло, и мы завернули в него тело и отнесли в фургон. Я поехал с мистером Блэком. Доктор забрал тело в прозекторскую. Мистер Блэк дал показания, которые я изложил, а он подписал. Дело в том, что миссис Сандерс, у которой выдалась в ту ночь бессонница, видела из окна, как

продуктовый фургон мистера Блэка проехал именно в то время, которое он указал, что доказывало правдивость его слов. Я позже вернулся на место происшествия, но опять ничего не нашел такого, что бы помогло понять, почему или кто совершил убийство.

Уокер замолчал, но Ратлидж чувствовал, что у него было что добавить, и потому терпеливо ждал продолжения. Оно последовало.

– Доктор Гудинг пришел в половине одиннадцатого, – сказал торопливо Уокер, – он попросил пойти с ним в прозекторскую. На трупе не было одежды, доктор ее снял. Причина смерти подтвердилась. Я никогда еще не встречался с таким способом убийства. А позвал меня доктор вот зачем. Он нашел во рту жертвы, когда исследовал труп, прилипший к языку опознавательный солдатский медальон.

Ратлидж удивленно на него посмотрел:

– Какие были на войне?

– Да, сэр. Я узнал его. Но этот не принадлежал мистеру Джефферсу, если у него и был такой. На нем значилось имя другого человека, совершенно незнакомого. – Он полез в карман и, вытащив что-то, завернутое в тряпку, положил на низенький столик перед камином.

Внутри оказалось три кружка из волокнистой прессованной ткани. Во время войны существовало несколько способов опознания павших и раненых, но ни один из них не получил широкого распространения. Некоторые солдаты просто пришивали к одежде полоски со своими фамилиями и номерами части. Было также изготовлено несколько видов медальонов, их вешали на шею на шнурке или цепочке.

Сделанные из фибры, они выдавались по два в комплекте. Один надевался на шнурке через голову. Если человек был убит, этот кружок клали ему в рот, чтобы потом обозначить его имя на могиле, а второй кружок вместе с вещами пересылали родным.

Но война кончилась больше двух лет назад. Почему медальон оказался во рту жертвы?

Хэмиш, чей голос на некоторое время замолк, вдруг ясно произнес: «Месть».

Ратлидж невольно вздрогнул, показалось, что голос шотландца прозвучал так громко, что эхом отразился от стен. Но никто из присутствующих не подал признака, что слышал его, и Ратлидж сказал:

– Здесь три медальона.

– Один был обнаружен во рту Джимми Роупера, который сидел в сарае около больной коровы. Не было никаких следов проникновения ни в сарай, ни в дом. Там в это время находились отец Джимми и женщина, помощница по хозяйству. Оба ничего не слышали, – ответил Пирс. – Что касается моего сына, то его нашли на полу пивного цеха около ступенек на цокольном этаже. Доктор Гудинг тогда же обследовал его и тоже нашел во рту медальон. – В его голосе слышалась затаенная ненависть к убийце.

Ратлидж внимательно прочитал имена на медальонах. Один принадлежал капралу из полка Йоркшира, второй – ирландскому саперу, третий – добровольцу из Чешира. Обращаясь к Пирсу, он спросил:

– Ваш сын был офицером?

– Да, конечно.

– Офицеры не носили опознавательных медальонов, – пояснил Ратлидж, – неизвестно, остались ли живы эти люди. – Он покачал головой. – Три разных полка. Что было общего у этих трех солдат с вашими жертвами?

– Вот почему я просил в этом деле разобраться Скотленд-Ярд. Нам надо узнать все о тех солдатах, а это можете сделать вы, наверняка вы знаете кого-нибудь из военного ведомства, кто может помочь нам.

Ратлидж знал такого человека, но не назвал его, потому что не собирался к нему обращаться. Сержант Гибсон и сам может разобраться.

– Расскажите мне о послужном списке всех троих. Были у них какие-нибудь взыскания или проблемы во время службы? Дисциплина, нарушения другого

рода, неуживчивость, драки, ссоры?

– Ничего такого не было. Все отслужили честно. Мой сын был в том же полку, что и остальные, кто пошел на войну из Истфилда, но он не командовал ими. Так получилось, что они даже воевали на разных участках фронта.

– Но они встречались?

– Не могу сказать с полной уверенностью, но не помню, чтобы мой сын когда-нибудь упоминал об этом. Как-то писал мне, передавая весточку семьям от них. Он был всегда внимателен к людям и ответственно ко всему относился. Впрочем, некоторые тоже вернулись, не все погибли, и вы можете поговорить с ними.

– Двое из наших погибли во Франции, – добавил Уокер, – один пропал без вести. Остальные вернулись домой.

Такое случалось редко. Служили вместе, воевали и погибали вместе. Кажется, истфилдцам повезло.

Ратлидж вернулся к медальонам. Что они означали? Или Хэмиш прав, и это действительно месть?

– Я знаю, что наших иногда разделяли, посылали на другие участки фронта для подкрепления. Думаю, убийства не связаны с войной. Хотя медальоны и говорят об этом.

Ратлидж повернулся к констеблю:

– Были какие-нибудь проблемы у полиции с этими людьми, ссоры, драки, может быть, ходили слухи о взаимных претензиях и вражде?

– Ничего такого не слышал, – твердо заявил Уокер. – Мой собственный племянник служил вместе со всеми. – Он вдруг ошеломленно взглянул на Ратлиджа: – Бог мой, неужели вы считаете, что убийства продолжатся? Может быть, надо предупредить племянника и остальных об опасности?

– Но если убийства имеют отношение к той группе, что воевала вместе, почему именно мой сын должен был умереть? – спросил Пирс. – Ведь он воевал на другом участке фронта.

– Не могу дать вам ответ. Пока не могу, – ответил Ратлидж и снова обратился к Уокеру: – Пожалуй, стоит поговорить с этими людьми. Если убийца местный, почему медальоны принадлежат посторонним? – Он помолчал, подержал медальоны в руке. – Было ли отделение из Истфилда или ваш сын, сэр, на захоронениях и при опознаниях погибших?

Пирс покачал головой:

– Уверен, что мой Энтони не был.

– Надо выяснить, – откликнулся Уокер. – Вы думаете, эти медальоны оттуда?

– Возможно. Но мы сначала должны узнать, живы ли эти люди, кто они и почему их имена связаны с жертвами.

– Я склонен думать, что убийца не из наших, – заявил Уокер.

Пирс шумно выдохнул.

– Мне все равно, кто он. Я хочу это прекратить. И найти убийцу, чтобы он получил по заслугам.

– Но почему вы не хотели привлечь полицию Гастингса? – спросил его Ратлидж.

– А, это. Как-то случилось перекинуться парой слов с инспектором Норманом. Разумеется, не в связи с таким делом, как убийство. Просто мой младший сын, Дэнни, был в юности шалопаем, и инспектор Норман хотел его засадить в тюрьму, потом пришлось признать, что инспектор придирался к нему зря. Тогда я не позволил ему давить на меня и моего сына. А позже Дэнни получил медаль за отвагу, его наградил сам король в Букингемском дворце. Его дерзость, как называл это инспектор Норман, помогла ему спасти жизнь десятку товарищей. Дэнни один сумел нейтрализовать пулеметное гнездо противника, он проник

туда и держал пулеметный расчет неприятеля под прицелом, пока не пришло подкрепление. Германцев взяли в плен. Если бы он не сделал этого, они положили бы множество людей.

– А где сейчас Дэниел? – спросил Ратлидж.

Пирс покраснел:

– Не знаю. Он вернулся с войны, провел в Истфилде две недели и исчез как-то ночью. И с тех пор мы ничего о нем не слышали. И в этом я виню инспектора Нормана. На третий день после того, как Дэниел вернулся с фронта, он явился к нам на порог и стал интересоваться, не был ли Дэниел среди той группы бандитов, которые ограбили владельцев небольшой гостиницы и ее постояльцев. Он клялся, что, по описанию свидетеля, Дэниел идеально соответствует портрету одного грабителя.

– У вашего сына было алиби?

Пирс побагровел:

– Разве не достаточно было его честного слова?

– Вы же понимаете, что человек, однажды доставивший хлопоты полиции, всегда будет первым подозреваемым в нарушении правопорядка.

Уокер беспокойно задвигался в кресле, видимо, вспомнил потасовку между Пирсом и полицией Гастингса.

Оставив на время тему Дэниела, Ратлидж спросил, кто нашел тела двух других жертв.

Ответил Уокер.

– В случае с Роупером это была женщина, которая помогала по хозяйству на ферме. Она сначала думала, что Джимми так долго не появляется, потому что не хочет оставлять больную корову. Потом все-таки вышла взглянуть и обнаружила его тело прямо в стойле. А молодого Пирса нашел мастер цеха, который пришел

на работу на следующее утро. Он подумал, что убийца все еще может находиться в пивоварне, и послал людей обыскать помещения. Они вооружились чем могли, но никого не обнаружили. Сам мастер остался рядом с убитым, а одного из своих помощников послал за мной.

– Значит, не было никаких следов нападения и проникновения?

– Нет, сэр. Кем бы ни был убийца, он в дома не вламывался.

– Кто остался у жертв из родных?

– Миссис Джефферс, жена. И отец Роупера – он старик и болен.

Ратлидж повернулся к Пирсу:

– Ваш сын Энтони был женат?

– Молодая женщина, на которой он должен был жениться после войны, умерла от испанки в 1918-м. Позже Энтони подружился с миссис Фаррелл-Смит. Она – директор школы сестер Тейт. Это очень приличное учебное заведение, многие, даже издалека, отдают в эту школу детей, например из Гастингса, Бэттла и даже из Рэя. Энтони тоже туда ходил до двенадцати лет. Тогда еще обе сестры Тейт были живы.

– Не появлялись незнакомые люди в Истфилде? Может быть, кто-нибудь интересовался убитыми?

– Я опрашивал многих на улицах, в пабе, в гостинице, в магазинах и в ресторанах, – Уокер покачал головой, – но никто не встречал незнакомых людей. И что меня беспокоит больше всего. Я всегда считал гарроту французским орудием. Но единственный француз в Истфилде лежит на церковном кладбище уже более тридцати лет.

Через десять минут после того, как они ушли от Пирса, Ратлидж, отойдя на достаточное расстояние, чтобы их не мог услышать никто из рабочих, спросил:

– Как вы думаете, что случилось с Дэниелом Пирсом?

– Дэниелом? – переспросил Уокер и отвел взгляд. – Не знаю, он просто исчез как-то ночью. Если вы хотите знать мое мнение, он не хотел быть обузой для своего отца. У Пирсов сложилась прекрасная репутация. Старший, Энтони, был хорошим парнем и лучше подходил на роль преемника, никогда ни ссор, ни гулянок, никогда не являлся домой пьяным поздно ночью, не распевал неприличных песен на улице.

– Но Пирс, кажется, верит, что сын изменился.

– На то он и отец, верно? Я поинтересовался о нем неофициально в тех местах, где у меня есть знакомые в полиции. Никто о нем не слышал. Может, изменился, осел и живет тихо где-нибудь, где нарушая закон.

– А почему вы его искали? – спросил Ратлидж заинтересованно.

Уокер покраснел, кажется, вопрос застал его врасплох. Немного помешкав, он ответил:

– Мне всегда нравился молодой Дэниел, сэр. Можно сказать, я питал к нему слабость, потому что и сам никогда не был любимчиком своего отца.

Но у Ратлиджа сложилось обратное мнение. Именно Дэниел, а не Энтони как раз и был любимчиком отца. Дрогнувший голос и смятение выдали старшего Пирса.

– Но вопрос в том, испытывал ли ревность младший к старшему, что могло привести в конце концов к убийству двоих невинных людей, чтобы прикрыть истинный мотив преступления?

Уокер вздохнул:

– Не думаю, что Дэниел хотел заниматься производством пива до конца жизни. Не удивлюсь, если он захотел сделать карьеру в армии. Помню, как еще перед войной он радовался, когда Шеклтон отправился в Антарктику и король, несмотря на объявление войны, все-таки позволил ему завершить планы. – Он вдруг, поменяв тему, указал на четырехэтажное здание впереди: – Это

гостиница «Приют рыбака». Немного странное название, но там вполне комфортабельно. Они приготовили для вас комнату. Я взял на себя смелость просить их об этом, когда мне сказали, что из Ярда посылают к нам человека.

Ратлидж поблагодарил его.

– Пойду представляюсь. А затем хотелось бы взглянуть на те показания, что вы собрали, и поговорить с доктором Гудингом.

– Доктора легче всего поймать после ланча. В час дня вас устроит?

– Да, я зайду к вам в это время.

Они подошли к машине инспектора, и Уокер помог завести ее.

Ратлидж подъехал к гостинице и нашел местечко для своего автомобиля на небольшой площадке перед входом. Когда он вошел, сидевшая за стойкой женщина подняла голову и, услышав его имя, улыбнулась.

– Мы ожидали вас, мистер Ратлидж, – сказала она, как будто инспектор был важным гостем, а не полицейским среднего ранга.

Наверное, за него похлопотал не констебль, а сам мистер Пирс, чье имя обеспечило ему удобный номер. Пока он поднимался на второй этаж, включился Хэмиш: «Понятно, что мистер Пирс не хотел привлекать полицию Гастингса, чтобы они не стали искать его младшего сына».

Вполне вероятно, согласился Ратлидж. Зато Скотленд-Ярд не имеет предубеждений.

Окна номера выходили на улицу. Комната была просторной и вполне удобной. Ратлидж поставил в шкаф чемодан и подошел к кувшину с холодной водой, стоявшему на столике между окнами. Вымыл руки, взял полотенце, чтобы их вытереть, и услышал громкие возбужденные голоса на улице. Он выглянул из окна, чтобы узнать, в чем дело.

Внизу констебль Уокер разговаривал со скрюченным артритом стариком, тяжело опиравшимся на палку. Вид у старика был расстроенный и сердитый.

Старик почти кричал:

– Я хочу его похоронить, ясно? Как положено, рядом с его матерью, где он должен лежать. Я не желаю слушать, что хочет полиция, я требую моего сына.

Уокер уговаривал старика, но тот не слушал его.

Хэмиш сказал: «Отец Роупера».

Да, похож. Уокер так и описывал его – старый и немощный.

Ратлидж поспешил вниз. Когда он вышел из гостиницы, Уокер все еще убеждал отца Роупера вернуться на ферму.

Ратлидж подошел, представился:

– Я инспектор Скотленд-Ярда. Приехал сегодня утром. Через три дня я распоряжусь, чтобы вам выдали тело сына. Я должен сначала удостовериться, что сделал все возможное, чтобы отыскать убийцу вашего сына. Вы даете мне три дня?

Роупер смотрел на него. В глазах стояли слезы.

– Три дня, говорите?

– Три дня, – подтвердил Ратлидж.

– Что ж, резонно. – Старик повернулся уходить, кажется удовлетворившись ответом инспектора Скотленд-Ярда.

Ратлидж остановил его:

– У вашего сына были враги, не знаете? Кто-то ревновал его, может, затаил злобу или ссорился с ним постоянно?

Роупер засмеялся скрипучим смехом, задыхаясь:

– У Джимми было столько работы на ферме, да еще он заботился обо мне. Не было у него времени ни для ссор, ни для ревности. Кто бы это ни был, ему надо было убить меня – я уже давно стал бесполезен. Но он взял жизнь Джимми. Даже германцы его оставили в живых, только искалечили ногу. Когда он пришел с войны, был так подавлен, что неделями хандрил из-за ноги. Но я ему говорил, что они забрали его ногу, но зато оставили руки и мозги, что и требовалось для управления фермой. И надо отдать ему должное – он скоро пришел в себя, и через год наша ферма снова стала бы приносить доход, если бы его не убили! Это была заслуга Джимми, и я посылаю отцовское проклятие на голову того, кто лишил его жизни! Надеюсь, что он будет страдать, как сейчас страдаю я, и будет гореть адским пламенем, когда попадет в преисподнюю. – Он сжал палку с такой силой, как будто хотел разmozжить ею голову убийцы. Но эта вспышка окончательно лишила его сил.

– Как вы добрались сюда? – спросил Ратлидж, видя, что старик обессилен.

– Притащился пешком. Никто не пришел ко мне и не объяснил, что происходит.

Уокер взглянул на Ратлиджа поверх головы старика:

– Это немалое расстояние.

– Мой автомобиль здесь, во дворе гостиницы. Отвезите его домой.

– Хорошо, сэр. Спасибо вам. – Констебль дотронулся до руки Роупера. – Пойдемте со мной, сэр.

Было видно, что старик разрывается между желанием сохранить независимость и усталостью. Но его кости приняли решение за него.

– Я принимаю ваше предложение как любезность, – наконец сказал он, и Уокер повел его к машине инспектора.

Ратлидж смотрел Роуперу вслед. Для него очередное убийство – не самое трудное. Тяжело встречаться с родственниками, потому что начинаешь видеть жертву их глазами. Это всегда решающий момент. Как сейчас. Он уже встретил отца Пирса, а теперь и Роупера.

Это позволило увидеть, насколько жертвы были разными по социальному статусу – два простых фермера и Энтони Пирс, сын владельца пивного завода, человека с положением и с большими деньгами. И еще – один был женат, двое – нет. Так что у них общего? Война? Двое служили вместе. Или что они остались в живых? Но Уокер говорил, есть и другие. Например, его племянник.

Так какая связь между ними?

Хэмиш тут же подсказал: «Опознавательные медальоны во рту».

Глава 6

Ратлидж уже поел и заканчивал пить чай, когда за ним зашел Уокер, чтобы проводить на встречу с доктором Гудингом.

Приемная доктора находилась недалеко, в доме, одна половина которого предназначалась для его практики, вторая была жилой.

Три женщины вышли оттуда, когда инспектор и констебль входили в калитку. Они конечно же сразу обратили внимание на Ратлиджа, и он мог даже слышать их догадки по поводу его персоны, когда они проходили мимо по выложенной плиткой дорожке, с обеих сторон окаймленной цветочными клумбами.

– Та, которая повыше, – пояснил Уокер, – была замужем за одним из тех солдат, кто пошел на войну из Истфилда сражаться с кайзером. Миссис Уотсон. Ее муж был убит на третью неделю сражений. – Он открыл двери, пропуская вперед Ратлиджа.

– У Роупера была искалечена нога?

– Прошло пулеметной очередью. Парень с трудом мог ходить, когда вернулся домой, но позднее это не было очень заметно. Осталась лишь легкая хромота. Пирс потерял ногу из-за гангрены после ранения. Он долго не мог носить протез, потому что культя плохо заживала. Только в прошлом году наконец надел и все не мог привыкнуть. Джефферс был ранен тяжело в грудь, но выжил.

В маленькой приемной было пусто. Доктор Гудинг вышел из своего кабинета им навстречу:

– Добрый день, констебль. Только собирался закончить ланч, сегодня он получился позже обычного.

Доктор был худощавый, начинающий лысеть человек, на лице его выделялась сильная квадратная челюсть.

– Это инспектор Ратлидж, сэр, – представил Ратлиджа Уокер, – он из Скотленд-Ярда. Хочет с вами поговорить.

Гудинг бросил взгляд на часы, стоявшие на каминной полке.

– Разумеется.

Он провел их в кабинет и указал на стулья напротив стола. Усевшись, он подвинул инспектору стопку листов, лежавших рядом с журналом посетителей.

– Мои доклады по осмотру тел. У констебля Уокера есть копии.

Ратлидж просмотрел бумаги.

– Все трое были гарротированы? И у всех во рту находились опознавательные медальоны?

– Да, верно. Говоря по правде, я еще ни разу не встречал убийство посредством гарроты, но мне не составило труда сразу определить, что произошло, когда я осматривал труп Джефферса. Мое мнение – в качестве гарроты могло быть использовано что-то вроде струны для фортепьяно, прочности которой достаточно, чтобы прорезать кожу. Отсюда кровь на шее. И убийца умел с ней

обращаться. Хотя Джефферс был пьян, с ним нелегко было справиться, то же касается и Роупера, несмотря на его ногу. Женщина не могла бы удержать гарроту, надо обладать немалой силой, чтобы сломить сопротивление сильных мужчин. Все подверглись неожиданному нападению глухой темной ночью. И все находились в таком месте, где не могло быть свидетелей. Джефферс – на пустынной дороге за городом, Роупер – в сенном сарае, Пирс – совершенно один в цехе.

– К ним подкрались, как вы думаете?

Гудинг кивнул:

– Конечно, они не ожидали. Проволока была перекинута сзади через голову. Если бы они знали, что им грозит опасность, то могли вовремя подставить руку, чтобы защитить горло, хотя это бы не изменило результат. Просто жертва могла лишиться пальца или рука сильно была бы поранена. Но так не случилось.

Доклад был кратким. Доктора можно было понять – его ждал прерванный ланч.

– Вы не видите связи между убийствами именно этих трех жертв? – спросил Ратлидж. – Может быть, кому-то они сильно досадили?

– Я бы сказал, что Роупер и Джефферс были ближе знакомы друг с другом, чем с Пирсом. Все трое когда-то ходили в местную школу, но, когда братьев Пирс послали в частную школу, они потеряли связь с остальными. Что касается всяких инцидентов, на это лучше ответит Уокер. А эти трое в детстве приходили ко мне, но ничего серьезного – ссадины, ушибы от лазанья по деревьям или от игры в футбол.

– А после войны не было недоразумений, ссор между теми, кто вернулся? Может быть, что-то случилось во Франции и вражда продолжалась здесь?

– Если и были, меня это не касалось, поэтому не могу подтвердить. – Доктор поколебался, потом добавил: – Дэниел Пирс – вот кто мог стать исключением. За два дня до того, как он исчез, я встретил его на улице, на левой щеке у него был кровоподтек. Он не высказался по этому поводу, я тоже. Ничего серьезного, думаю.

– Я слышал, что он был возмутителем спокойствия в юности. – Ратлиджу хотелось услышать об этом мнение доктора.

– Возмутитель спокойствия? Громко сказано. Кто вам сообщил? – Гудинг нахмурился. – Вы ведь не подозреваете его в этих убийствах?

– Как близко он был знаком с Джефферсом и Роупером?

– Наверно, не больше, чем Энтони. Я всегда считал, что его выходки имели целью всего лишь привлечь внимание брата и поразить воображение окружающих. Младший всегда пытается доказать всем, что он не хуже.

– Какого рода выходки? – гнул свое Ратлидж. Он видел, что Уокер занервничал, но не обращал на него внимания.

– Ему самому, наверное, это казалось веселыми шутками. Однажды летом трое или четверо мальчиков, надев на себя простыни, пошли на церковное кладбище ночью. Они напугали до смерти жену церковного сторожа и двоих служек. А в ночь Гая Фокса они соорудили свой собственный костер, подожгли старую мельницу на окраине города. Мельница не работала, и там никого не было. Но если бы ветер понес искры в направлении жилых построек, могло бы случиться несчастье. Некоторые люди возмущались и требовали, чтобы зачинщиков посадили в тюрьму. Но возобладали трезвые головы, и мальчишек просто сопроводили домой, чтобы их наказали родители.

– Это не похоже на мальчишескую шалость.

– Я был на месте, – вдруг вмешался Уокер, – они не собирались никому причинить вред. Но еще до случая с мельницей произошло несчастье. Один из них чуть не утонул. Они начитались об инквизиции и попытались воспроизвести ведьмин стул, это когда ведьм испытывали водой. Сначала мальчишки тащили жребий, кому быть ведьмой. Но они не привязывали никого, а просто смотрели, сколько испытуемый продержится. Пруд был неглубокий, но они перепугались, когда голова того, кто вытащил несчастливый жребий, ушла под воду.

– Он все еще живет в Истфилде?

– О нет, сэр, – ответил Уокер. – Уже пятнадцать лет прошло с тех пор, как его отец, который был счетоводом на мебельной фабрике, насколько помню, нашел себе другую работу в Стаффордшире, поближе к семье жены.

Все замыкалось на Дэниеле.

– Дэниел воевал вместе с остальными волонтерами из Истфилда?

– Как и брат, он сразу получил офицера, но предпочел идти в саперы.

Помня, что говорили о тяге Дэниела к приключениям, инспектор подумал, что такое решение вполне было в его характере. Опасная работа – подрывать туннели под противником, закладывать туда заряды. Минеры часто погибали во время взрыва, когда он происходил неожиданно, или их заваливало в туннеле, когда они возвращались, чтобы посмотреть, почему не произошел подрыв.

– Что-нибудь еще можете добавить? – спросил Ратлидж.

– Джефферс был в ту ночь сильно пьян. Вообще-то он не был пьяницей, только раз в год напивался, отмечая годовщину своего ранения, когда чудом остался жив; шел в паб и пил пива столько, сколько влезало. Он мне однажды сказал, что был так близок к смерти, что частенько переживал все заново.

– Так, значит, все трое получили ранение во Франции?

– Да. Ко мне пришли копии медицинских свидетельств об их ранениях.

Ратлидж повернулся к Уокеру:

– Вы спрашивали в пабе, не было ли там в тот вечер незнакомых людей? Может быть, кто-то интересовался Джефферсом?

– Нет. Только завсегда. И все знали, что у Джефферса очередной юбилей. Они привыкли.

Доктор Гудинг снова со значением взглянул на часы, и Ратлидж на этот раз смилостивился – поблагодарил доктора и попрощался.

Он оставил Уокера в участке, взяв у него показания свидетелей, которые тот собрал до его приезда, и пошел в гостиницу их читать.

Клерк за стойкой обратился к нему:

– Мистер Ратлидж? К вам посетитель, сэр.

– Кто? – удивился инспектор.

Но клерк уклонился от вопроса:

– Он ждет вас в салоне за лестницей.

Ратлидж прошел в салон, который служил гостиной и иногда обеденным залом для небольших групп людей.

Там стоял человек и смотрел в окно на сад. Он повернулся, услышав шаги Ратлиджа.

– Инспектор Ратлидж? – Взгляд его внимательно изучал лицо Ратлиджа. – Я инспектор Норман, полиция Гастингса.

Они обменялись рукопожатиями.

– Меня к вам послали в связи с тремя убийствами, надеюсь, вы не возражаете, что я веду расследование вместо вас, – сказал Ратлидж.

– Не особенно, хотя мне не нравится, что преступник разгуливает вблизи Гастингса. Надеюсь, ваше появление его остановит.

– Я тоже, – улыбнулся Ратлидж. – Как думаете, что могло привлечь его в Истфилд? Здесь случилось что-нибудь подобное?

– Да нет. Обычные ссоры, иногда драки, небольшие кражи, жалобы на соседей, что те ходят через их участок. На дороге бывают аварии, раз в два года. В основном все спокойно, и Уокер – хороший констебль. Но все трое были на войне.

И не удивлюсь, что в этом причина. Большинство служили вместе, только Энтони просил его перевести, он не хотел командовать земляками. По-моему, поступил очень правильно. Тяжелее поддерживать порядок и дисциплину среди людей, с которыми вместе вырос.

– Или легче, – заметил Ратлидж.

– Бывает и так, – согласился Норман, – конечно, не обязательно причина кроется в войне. Думаю, что Энтони Пирс все-таки не упускал из виду своих соотечественников, хотя воевал не с ними вместе. Если бы что-то там произошло, мы бы об этом узнали от него или от кого-то из них. Может быть, так думал и убийца? А иначе зачем класть убитому Энтони, который был офицером, в рот солдатский знак?

Вопрос оставался открытым.

Норман собрался уходить.

– Желательно, чтобы дальше не пошло. Ограничилось Истфилдом. Если понадобится моя помощь, дайте знать.

Он кивнул на прощание и ушел.

Ратлидж подумал, что Норман не терял времени даром и сразу пришел взглянуть на конкурента. Ведь он пробыл в Истфилде всего несколько часов. Интересно, кто сообщил инспектору Норману о его приезде?

Хэмиш неожиданно сказал: «Кто-то, кому не нравится вмешательство мистера Пирса».

Ратлидж провел несколько часов за чтением бумаг, которые дал ему Уокер, и отметил некоторые детали, о которых до этого момента не успел узнать. Например, что никто не покидал паб в течение получаса после ухода Джефферса. Домашние Роупера не заметили проникновения чужих на их ферму. Старый пес мирно спал у ног старшего Роупера – правда, его слух был притуплен преклонным возрастом.

– Он давно уже глухой как тетеря, – сказала Уокеру работавшая в доме фермера помощница по хозяйству, – оба глухие, – добавила она, имея в виду и хозяина. Впрочем, сама она тоже ничего не слышала.

Что касается мастера, который обнаружил утром в пивном цехе тело младшего Пирса, то он показал, что входная дверь была закрыта и он увидел Пирса, только когда подошел к лестнице.

«Мистер Энтони пошел взглянуть на сломанный датчик температуры, потому что взял мои инструменты, я это заметил, когда поднимался потом наверх».

Эти слова указывали на то, что Пирс был убит, когда уходил, а не входил в цех. Дверь была не заперта, поэтому убийца без труда проник в помещение.

Ратлидж закончил читать показания свидетелей и отправился осматривать места преступлений. Сначала дорогу, где шофер продуктового фургона нашел Джефферса.

Стоя на пустынной дороге, Ратлидж осмотрелся. Примерно в ста ярдах виднелся фермерский дом, но Уокер уже расспрашивал семью, которая там жила. К несчастью, окна спальни выходили на задний двор, и люди ничего не видели и не слышали. Ночью они просыпались только один раз, в три часа, потому что плакал больной ребенок.

По сторонам дороги росли кусты, дальше тянулись луга и пастбища. Дом Джефферса стоял позади луга – высокий, узкий, напоминавший одинокий зуб.

«Идеальное место для засады», – отметил Хэмиш, пока Ратлидж осматривал местность.

Потом он направился к ферме Роупера, прошел мимо дома и сеного сарая, где произошло убийство. Вокруг никого не было видно. Но на веревках висело белье, сушилось на теплом полуденном солнце. Ратлидж вошел в сарай. На полу виднелись пятна крови, в том месте, где умер Джимми Роупер, но следы преступника, если и были, давно затоптали служанка, старый Роупер да и сам констебль. А еще здесь был доктор. Коровы теперь не было, стойло пустовало.

Следующая – пивоварня. Но сначала Ратлидж зашел в гостиницу, узнать, где можно найти ближайший телефон.

Ему сказали, что единственный телефон в Истфилде находится в офисе Тирела Пирса.

По дороге туда Ратлидж остановился около двери двухэтажного здания пивоварни, где стояли огромные деревянные чаны. Ступеньки наверх находились примерно в десяти футах от двери и вели в цех, где стоял пряный, густой дух. Кто-то тщательно отмыл пол от крови, но, поскольку использовал абразив, место убийства указывало чисто выскобленное пятно на досках. Выйдя вновь на улицу, Ратлидж еще раз перебрал в памяти приметы убийств. Что было общего у этих трех преступлений? Время совершения. Но это означало, что каждый раз убийца, появлявшийся в Истфилде, почему-то оставался незамеченным.

Хэмиш сказал: «Да, но ведь он не мог возникнуть из воздуха и где-то должен был прятаться до темноты?»

Можно ли предполагать в таком случае, что он был жителем Истфилда?

На этом размышления Ратлиджа оборвались, потому что он вошел в контору.

В просторной и светлой комнате, оклеенной веселыми обоями, было оживленно. С полдюжины клерков занимались вопросами поставок, разбирали заказы, сами заказывали крышки, этикетки и прочие нужные пивоварне вещи. Старший клерк по имени Старрет подвел инспектора к телефону на своем столе и отошел.

Ратлидж позвонил в Лондон. Через некоторое время его соединили со Скотленд-Ярдом. Еще через пять минут трубку взял сержант Гибсон:

– Слушаю, сэр.

– Я назову людей, а вы мне узнаете, что стало с ними после войны, была ли связь между ними и теми, кого убили в Суссексе. Встречались ли они на фронте с призванными из Истфилда, и с кем именно.

Ратлидж продиктовал имена, звания, номера частей, которые списал себе в книжку с медальонов, обнаруженных доктором Гудингом.

Гибсон повторил и потом сказал:

- Займет день-два. Позвонить вам, когда станет известно?

Ратлидж объяснил, где его найти, и хотел уже повесить трубку, как Гибсон добавил:

- Главному поступила жалоба на вмешательство Ярда.

- От кого? - удивился Ратлидж.

- От миссис Фаррелл-Смит, сэр.

Он вспомнил имя. Женщина Энтони Пирса, с которой тот встречался. Но зачем ей жаловаться главному констеблю? Он приглушил голос, чтобы его не услышали клерки, и спросил Гибсона, в чем состоит жалоба.

- Не могу знать, сэр. Кажется, она считает, что должна разбираться полиция Гастингса, не было необходимости привлекать нас.

Ратлидж поблагодарил сержанта и повесил трубку.

Потом поблагодарил клерка за возможность воспользоваться телефоном и вышел из конторы. К офису Пирса вела отдельная лестница. Он хотел зайти, но передумал и покинул пивоварню.

Он удивил констебля Уокера, явившись в полицейский участок и спросив адрес миссис Фаррелл-Смит и как туда пройти.

- Я ее не допрашивал, - начал было извиняться Уокер, но Ратлидж его прервал:

- Она может знать что-то такое, о чем неизвестно отцу Энтони Пирса. Не жду особенных откровений, не приходится надеяться на многое, но все-таки стоит

попробовать.

– Пойти с вами, сэръ? – Уокер начал вставать со стула.

– Нет. Я не хочу, чтобы визит носил официальный характер. Просто зашел поговорить, обычное дело.

– Понимаю.

Но Ратлиджу показалось, что Уокер так ничего и не понял, а значит, не знал о жалобе.

Латинская школа сестер Тейт находилась в начале Спенсер-стрит. Два дома, соединенные вместе пристройкой, никак не испортившей внешний облик ансамбля, даже наоборот. Тот, кто пристраивал, был знатоком своего дела. Посередине находился главный вход в школу, но констебль Уокер сказал, что миссис Фаррелл-Смит предпочитает жить в доме рядом со школой и в это время ее можно застать.

Он поднялся по ступенькам к входной двери, и его впустила внутрь молоденькая девушка в школьной форме, ее распущенные по плечам волосы были подобраны широкой голубой лентой. Она была хорошенькая и дотошно вежливая, просила подождать в холле, пока она спросит миссис Фаррелл-Смит, сможет ли та принять его.

Она исчезла в двери слева от лестницы и тут же вернулась, с улыбкой пригласив его войти. Он не знал, станет ли хозяйка дома с ним разговаривать, после того как жаловалась главному констеблю Ярда.

Девушка представила его и вышла, прикрыв за собой дверь.

Комната была оборудована под домашний кабинет, с книжными полками и прекрасным письменным столом из лакированного ореха. Он был завален бумагами и тетрадями, некоторые раскрыты, и страницы прижаты пресс-папье, что означало подготовку к новому семестру.

Женщина, сидевшая за столом, поднялась. Она была выше среднего роста и очень красива, хотя приложила старания, чтобы таковой не казаться. Волосы, туго стянутые в пучок на шее, были белокурыми. Несмотря на желание сделать прическу строгой, локоны все же выбивались, смягчая строгость стиля. Глаза темно-голубые, прямой нос и четко очерченный рот. На вид ей было лет тридцать.

- Инспектор Ратлидж, - произнесла она.

- Я пришел задать вам несколько вопросов об Энтони Пирсе.

Ратлиджу показалось, что он удивил миссис Фаррелл-Смит этим заявлением, потому что ее брови взлетели вверх, несмотря на желание сохранять самообладание.

- Прошу вас, садитесь, - пригласила она и, подождав, когда он сядет на один из стульев напротив стола, продолжила: - Так о чем вы хотите меня спросить?

- Думаю, что Энтони не обо всем мог говорить со своим отцом. Мне сказали, что он восхищался вами, и, возможно, вы могли услышать от него нечто такое, что может помочь полиции в расследовании.

- Не думаю, что Энтони мог делиться со мной чем-то таким, о чем не мог сказать отцу. - Миссис Фаррелл-Смит сделала паузу, но Ратлидж молчал, и, когда молчание затянулось, неохотно добавила: - Вы считаете, у него были тайны?

- Вот об этом я и пришел вас спросить.

- Вы думаете, он знал, где найти брата? Но если бы он и знал, то никогда не сказал бы мне.

Теперь пришла очередь удивиться Ратлиджу.

- Дэниела?

- Да, Дэниела. Его отец слишком упрям, чтобы узнавать самому, но наверняка хотел бы знать, где находится пропавший сын.

– Вам не нравился Дэниел.

– Не особенно. Один из тех, кто перекладывает ответственность за свои поступки на других. Я пытаюсь привить своим ученикам обратное, что, безусловно, сделает их жизнь счастливее в будущем.

Интересный взгляд на будущее.

Вклинился голос Хэмиша: «Но разве в этом кроется настоящая причина, почему она настроена против брата Энтони?»

Ратлидж спросил, не углубляясь больше в тему о брате:

– Сколько времени вы управляете школой?

– Начала работать прямо перед войной. – Миссис Фаррелл-Смит не назвала точной даты, но несколько прояснила ответ: – Когда мой муж умер, я приехала сюда.

– Вы были, наверное, слишком молоды для такой должности. Это серьезное дело для любого возраста.

Она вздернула подбородок, как будто защищаясь:

– У меня не было выбора. Но я сделала все, чтобы сохранить традиции и не растерять приобретенное основателями. Не думаю, что заставила их пожалеть о своем решении – доверить управление мне.

Ратлидж опять поменял тему:

– Ваш муж был знаком с Дэниелом Пирсом?

Это могло стать основной причиной ее неприязни к молодому Пирсу. И, к своему удивлению, он попал прямо в цель.

– Я считаю, это вас не касается, – отрезала она.

Значит, вывод напрашивался сам собой – знакомство имело место.

– Это было до того, как он на вас женился? Или после?

– Он был старшим из мальчиков в школе, куда послали учиться Энтони и Дэниела.

– Вы тогда их не знали?

– Нет. – Холодно и резко.

Ратлидж некоторое время наблюдал за миссис Фаррелл-Смит. Она вышла за человека, чья фамилия пишется через дефис, и, значит, он был аристократ и, вероятно, презирал братьев из простой, недавно разбогатевшей семьи. Или сам был из обедневшего рода. И поэтому учительница оказалась сейчас в маленьком городке Суссекса, далеко от высшего света. Что объясняет, почему она принимала знаки внимания Энтони Пирса. Торговец или нет, он мог дать комфортабельную безбедную жизнь будущей жене, как наследник богатого владельца пивоваренного производства.

Он снова поменял направление разговора:

– Были враги у Энтони Пирса? Особенно среди тех, с кем он вместе воевал?

– Почему речь идет о войне? – Миссис Фаррелл-Смит быстро соображала и сразу отметила возникновение новой темы. – Разве там что-то произошло, что могло иметь такие трагические для него последствия?

Ратлидж вспомнил об опознавательных солдатских медальонах, найденных во рту убитых.

– У нас есть причины верить, что это связано с войной.

– Если что-то и случилось подобного рода во Франции, Энтони никогда мне об этом не рассказывал. И не рассказал бы, если хотите правду. Он знал, что я не люблю слушать о неприятных вещах. – Спohватившись, что это прозвучало

эгоистично, она поспешно добавила: – У нас много бывших учеников, которые до войны учились вместе, пошли воевать и не вернулись. В вестибюле школы, напротив входа, на стене висит доска с их именами, чтобы все помнили. Энтони знал, что меня расстроят подобные воспоминания о войне.

Ратлидж подумал, что самообладание миссис Фаррелл-Смит необычно для женщины, потерявшей мужчину, который был ей дорог. На глазах ее не было следов слез, пролитых в подушку, хотя прошло всего два дня с той ночи, как обнаружили тело Пирса.

Она как будто прочитала его мысли, и глаза ее тотчас наполнились слезами.

– Еще вопросы, инспектор? Это очень болезненная тема.

Хэмиш сказал: «Она боится, что его убил брат».

Это объясняло ее вопрос, который она задала ему, не о смерти Энтони, а о местонахождении Дэниела.

Но он не стал уточнять.

– Если что-то еще вспомните, миссис Фаррелл-Смит, скажите констеблю Уокеру. Он передаст мне.

– Конечно, – голос звучал холодно, – вы найдете сами дорогу?

Он поблагодарил и поднялся.

Ее лицо, отпечатавшееся в его памяти, стояло перед ним, пока он шел к гостинице. Перед тем как выйти, он оглянулся и увидел на нем отчаяние.

Но она жалела себя, а не убитого.

Длинный день уже тянулся к концу, когда Ратлидж снова пришел в полицейский участок, чтобы вернуть листы с показаниями свидетелей.

Уокер стоял у окна, глядя, как последние лучи заходящего солнца играют на крышах домов напротив. Он обернулся, когда инспектор вошел в комнату, и спросил:

– Есть успехи?

– Ничего, что могло бы помочь. Завтра хочу поговорить с теми, кто уходил на фронт отсюда, из Истфилда. Можете устроить встречу с ними?

– Это не трудно сделать, – рассеянно отозвался Уокер, потому что мысли его были далеко.

– В чем дело? – спросил быстро Ратлидж. – Что произошло?

– Нет, пока ничего. Но сегодня третья ночь после убийства Пирса. И все может измениться, когда стемнеет.

– Понимаю ваше беспокойство. Да, наш убийца затаился и имеет перед нами преимущество. Он хорошо все спланировал и знает, когда и где нанести удар. Иначе вы или инспектор Норман поймали бы его сразу. Без моей помощи. Все, что сейчас требуется, – постараться его опередить и не дать осуществиться его планам. Это означает засады и патрулирование ночью всех тихих, укромных мест. Например, задних дворов, садов и полей около ферм, в окрестностях пивоварни, где человек может оказаться один. А сейчас я бы рекомендовал жителям не появляться на улице после темноты.

– Неизвестно, остановит ли его это. Может, он просто затаится и выждет, когда суматоха уляжется. – Уокер явно тревожился. – И еще это зависит от того, что движет им.

– Верно. Гаррота – значит убить наверняка. Больше надежности, чем удар ножом. Возможно, его не остановит даже то, что он сейчас больше рискует. Если, конечно, в его планы не входило убийство только этих троих.

Уокер обдумал слова инспектора.

– Никак не могу понять, как они связаны между собой.

– Это знает только убийца.

– Может быть, он убивает без причины?

– Возможно, что тому, кто использует гарроту, не важно, кто станет жертвой.

Но это означало, что речь идет о случайных убийствах.

Глава 7

Утром инспектор Норман послал своего человека с сообщением для констебля Уокера. Полицейского задержал сначала ливень, а потом Уокера не оказалось не месте.

Констебль Петти стоял у окна в полицейском участке, смотрел на улицу и ждал. Наконец Уокер появился. Он совершил очередной обход Истфилда, чтобы еще раз удостовериться, что ничего ужасного не произошло прошлой ночью. Войдя, он кивнул в знак приветствия собрату по службе и стал снимать мокрый плащ.

– Чашку чаю, Петти?

– Не отказался бы, но боюсь, нет времени. – И посланец передал на словах то, что приказал инспектор Норман. Но не ответил ни на один вопрос Уокера, попытавшегося уточнить детали.

Нахмурившись, констебль снова надел мокрый плащ и пошел в гостиницу. Патрулируя ночью городок, он не знал, что инспектор Ратлидж, проснувшись сначала в два ночи, потом в три, тоже вышел тихонько из гостиницы. Компанию ему составил только Хэмиш. Он бродил в темноте, останавливаясь время от времени и вслушиваясь в ночные шорохи. Ему казалось, что последние события придали пустым улицам зловещий вид, хотя здесь никогда не было в исторически обозримом прошлом ни резни, ни насилия, ни казней. Мирный ландшафт источал опасность между полночью и рассветом.

Хэмиш заметил: «Где есть люди, там есть и смерть».

Это было правдой. Отчаяние, голод, эпидемии, падеж скота – все это тоже приносит смерть, не только войны.

Его шаги по утрамбованной дороге отдавались гулким эхом, но сразу стихли, как только он ступил на мягкую травянистую землю церковного двора. Интересно, наблюдает ли за ним сейчас кто-нибудь? Интуиция молчала. Ратлидж попытался посмотреть на окружающую местность глазами убийцы. Здание пивоварни одиноко возвышалось в конце главной улицы. С церковной колокольни просматривался весь городок и окрестные фермы. Вдоль дороги, там, где она делала полукруг и уходила за пределы Истфилда, цвела сирень. Как убийца находил жертву, если не выслеживал специально, а потом шел за ней, ожидая, когда она окажется в месте пустынном и безлюдном, удобном для осуществления задуманного.

Хэмиш сказал: «А помнишь, как рядовой Дональд Макрей находил снайперов?»

Ратлидж помнил. Как-то они несколько дней не могли высунуться из окопа, потому что бил пристрелявшийся снайпер, не могли засечь его по вспышке, потому что он выбирал время, когда на линии британцев было слишком оживленно. Рядового Макрея послали наблюдать за снайпером и выявить его. И он сделал следующее: собрал старое сено от лошадей, доски, которыми обшивали окопы, и соорудил наверху подобие укрытия. Несколько дней германцы через нейтральную полосу обстреливали это воронье гнездо, просто забавляясь, оттачивая мастерство. Потом им надоело. На третью ночь Макрей положил внутрь винтовку так, что дуло выглядывало наружу. А утром на палку надел каску и высунул над этой кучей. Издалека казалось, что человек, спрятавшись там, целится из винтовки. И посадил двоих смотреть, откуда будет выстрел. Снайпер должен был выстрелить, поверив, что там, в этой груде хлама, спрятался стрелок. И снайпер поддался искушению. Это был его последний выстрел. Потом они поймали еще двоих таким же способом в течение нескольких месяцев.

Вот и сейчас, по всей вероятности, преступник сидит в засаде и ждет, когда в его поле зрения появится жертва.

Но это означало что, он должен выжидать долго, терпеливо, никуда не торопясь, поставив цель.

Удовлетворившись осмотром, Ратлидж вернулся к себе в номер, немного поспал, а когда часы на башне пробили следующий час, снова обошел все подозрительные места. Когда вернулся, облака, которые постепенно сгущались за последние часы над Южным Суссексом, разразились дождем, и, кажется, надолго.

Уокер пересекал вестибюль гостиницы, когда инспектор вышел из столовой, закончив ранний завтрак.

Констебль передал ему сообщение инспектора Нормана, понизив голос, чтобы его слова не достигли наострившего уши клерка у стойки, который с интересом поглядывал их сторону.

Ратлидж на какое-то время застыл, обдумывая услышанное, потом произнес:

– Проклятье.

Лиса перехитрила охотников. Пока Ратлидж прочесывал окрестности Истфилда, убийца сделал еще один шаг.

– Боюсь, сэр, что инспектор Норман сейчас тоже в ужасном настроении, – заметил Уокер с некоторым удовлетворением, – а я, честно сказать, рад, что это произошло не на моем участке.

– Возьмите с собой Петти и подгоните к входу автомобиль, я буду готов через пять минут, – распорядился инспектор.

Ехать пришлось недолго. Внезапно дорога нырнула в расселину между двумя скалами, потом пошла вниз, к морю, к старому городу. Слева виднелись высокие черные сараи для сушки рыболовных сетей, навесы и вытащенные на мель суда. Дождь молотил по крыше автомобиля, на губах появился вкус соли. Справа открывался вид на старый город с замысловато переплетающимися улочками. Серые, под цвет неба, волны, пенясь, разбивались о берег, сейчас пустынный. Курортников видно не было.

Когда-то Гастингс представлял собой маленькую рыбацкую деревушку на краю долины, спускавшейся с гор к морю. Со временем деревушка разрасталась, но

долго не приобретала значение порта, даже во времена Вильгельма Завоевателя. Зато позже Гастингс стал одним из пяти самых знаменитых портов Англии. С непременным укрепленным замком, нависавшим над гаванью и препятствовавшим проникновению врага в долину. Много позже получили популярность морские купания, они принесли процветание и богатство порту, и Гастингс разросся. Старый город с лодками на песке и с высокими сараями, где хранились рыболовные сети, со скученными домиками и оживленными рынками, торговавшими дарами моря, стал анахронизмом, а новый город отстраивался по-другому, с проспектами, парками, отелями, магазинами и длинной набережной для прогулок отдыхающих. С началом войны город потускнел. Когда же война закончилась, получил второе дыхание. Вновь появились любители морских купаний.

Ратлидж проехал прямо в полицейский участок Гастингса, но не застал там инспектора Нормана. Ему сообщили, что тот уехал в район скал вблизи от рыбацкой деревни. Пришлось вернуться назад и проделать обратный путь до старого города. Сквозь пелену дождя можно было видеть лишь верх мелового утеса, где на фоне серого неба суетились крошечные человеческие фигурки. Там, где скала нависала над морем, к ним взбирался человек, борясь с порывами ветра, по веревкам, невидимым с дальнего расстояния.

– Не завидую бедняге, – сказал Уокер, наблюдая за ним, – опасное дело, даже в хорошую погоду. Интересно, что заставило?

Ратлидж молча проследовал к фуникулеру, расположенному за магазином сетей.

К его удивлению, фуникулер работал. Вагончик быстро доставил их наверх. Выйдя, они согнулись от шквалистого ветра с дождем, ударившего в лицо. Их встречал констебль.

– Инспектор? Сюда, сэр. – Он повернулся и повел их к собравшимся на краю обрыва людям, полицейским и штатским. Все были заняты непонятной работой.

Даже сквозь серую стену дождя Ратлидж мог видеть, что на земле около них лежат двое, хотя внимание большинства было приковано к человеку, карабкавшемуся вверх по скале. Ратлидж понял, что два распростертых на краю утеса тела не то, что он сначала подумал, – это были люди, которые, растянувшись на мокрой грязной траве, свесив вниз головы, тащили вверх

веревки. Еще двое держали их за лодыжки, чтобы не дать свалиться вниз. Трава была скользкая, и шквал ветра мог сбросить их в море.

Ратлидж снял шляпу, чтобы ее не унесло ветром, и сразу на лицо и голову хлынули потоки воды. Люди не повернулись, когда он приблизился. Он видел, как Уокер пытается что-то сказать констеблю, сопровождавшему их от фуникулера. Приходилось громко кричать ему прямо в ухо. Ратлидж услышал крик боли, когда человека, карабкавшегося вверх, с силой ударило о скалу. Кто-то из тянувших его за веревки крикнул:

– С тобой все в порядке, Бен?

Ответа расслышать Ратлидж не мог. Теперь многие оборачивались, взглядывали на него, но только не Норман, который напряженно ждал появления спасателя.

Вдали, на горизонте, небо и море сливались в сплошную серую пелену, по краю которой низко клубились темные облака.

Вдруг тащившие веревку люди откатились назад, и все начали им помогать. Как из игрушечной коробочки на пружине возникла голова, потом плечи, торс, и наконец мужчину вытащили. Он растянулся без сил на мокрой траве, одежда его промокла насквозь, кто-то накинул на него плащ, но ему было жарко от невероятных усилий, и он мотнул головой, чтобы сняли. Только сейчас инспектор Норман обернулся, черные волосы облепили его череп, и крикнул Ратлиджу, указывая вниз:

– Ваш?

Ратлидж подошел, нагнулся, держась за плечо одного из тех, кто тащил веревку, чтобы не свалиться.

Внизу, на небольшом скалистом выступе, о который яростно бились волны, лежало тело. Спасатель, которого только что вытащили, видимо, спускался, чтобы обвязать его веревками. Спускаться туда вообще было опасно, но вдвойне опасно было проделать работу, с которой спасатель успешно справился, рискуя жизнью, – ведь в любую минуту его могло смыть в бушующее море. Все это он проделал на площадке, где с трудом мог поместиться один человек. А еще ему предстоял не менее опасный подъем вверх.

Ратлидж услышал, как Норман громко крикнул:

– Тащите!

Обернувшись, он увидел, что четверо мужчин снова взялись за веревки, и отошел от края. Потом он узнал, что это были спасатели с лодочной станции на пляже.

– Почему вы решили, что он наш? – крикнул Ратлидж.

Норман невесело ухмыльнулся:

– Тот, кто спустился туда, сказал, что горло мужчины перерезано. Он долго не мог обвязать его веревками, сначала надо было надеть защитный пояс, потому что пришлось тащить тело по острым камням, и широкий ремень должен был хоть немного его уберечь. Но у меня создалось впечатление, что он не зарезан, а, скорее всего, задушен гарротой. Вот почему я послал за вами.

– И все-таки какое отношение он имеет к нам? Если он находится здесь, то, вероятно, это один из жителей Гастингса?

– Назовите это чутьем, – ответил Норман и вновь повернулся к тянувшим за веревки спасателям. – Это тоже помогло. – Он вытащил из кармана полевой бинокль. – Мы должны были сначала узнать, жив он или нет. Ведь доктор не мог к нему спуститься. Он почти поклялся, что там труп.

Норман указал на невысокого полного человека, стоявшего в стороне.

Кто-то заглянул вниз и крикнул:

– Полегче, парни, полегче!

И спасатели немного ослабили хватку, а потом сделали рывок, и тело перевалило через край обрыва. Был момент, когда показалось, что оно вот-вот снова упадет, трава была скользкой от дождя и грязи.

Ратлидж слышал, как рядом выругался Норман.

Несколько человек подбежали и, ухватившись за петли на поясе, которым был обвязан труп, оттащили его подальше от края, а те, кто долгое время висели вниз головой и тянули веревки, в изнеможении раскинулись на мокрой траве.

Ратлидж и Норман моментально оказались рядом с телом, опередив доктора, и, чтобы не поскользнуться, встали на колени. Доктор присоединился к ним.

– Покойник, – констатировал он. – Потом скажу о причине подробнее, когда осматрю у себя. Здесь это невозможно сделать.

Констебль Уокер тоже подошел, наклонился, для равновесия упершись руками в колени, и стал рассматривать мертвого через плечо Ратлиджа. Дождь стекал по волосам Ратлиджа на глаза, не давая возможности видеть, он вытирал их рукой.

Жертва лежала на животе в промокшей насквозь одежде. По следам на шее сзади уже было ясно, что мужчина убит с помощью гарроты. Как и предполагал инспектор Норман. Глубокий след от раны был черным в сером свете ненастного дня.

Острые камни сделали свое дело, брюки были порваны и в грязи, как и рубашка, тело покрыто порезами и ссадинами. Руки тоже, но не от проволоки – мужчина не защищался, – а по той же причине.

Взглянув на Ратлиджа, Норман перевернул тело на спину, и сзади раздался громкий возглас Уокера. Норман спросил:

– Знаете его?

– Да, сэр, Тео Хартл. Они с отцом работали на мебельной фабрике в Истфилде.

– Вы уверены? Его лицо основательно разбито.

– Нет даже малейших сомнений. Я его видел почти каждый день с тех пор, как он родился.

- Ну, вот я же говорил, - сказал Норман, - это ваш. Но на моей территории.

Доктор все-таки бегло осмотрел повреждения.

- Никаких других видимых ран, только те, что связаны с падением и попытками втащить его наверх. Еще повезло, что он свалился на этот выступ, потому что иначе его давно унесло бы в море. И мы его никогда бы не нашли.

Ратлидж взглянул на мертвое лицо. На вид Хартлу было лет двадцать пять, как и остальным жертвам, он был высокого роста, светловолосый, выше, чем другие, и плотного сложения, поэтому так тяжело было втащить его наверх. Норман сделал знак своим людям.

- Ладно. Доставьте его в приемную доктора. - Он повернулся поблагодарить спасателей, пожал всем руку, оделил целой пригоршней монет. - Купите себе что-нибудь, чтобы согреться. Я сниму показания позже, когда будете свободны от дежурства.

Они стали спускаться.

- Это просто счастливый случай, что его нашли, - сказал Норман. - Рыбацкие суда возвращались, и с них заметили на выступе лежавшего человека, сначала думали, что кто-то прыгнул вниз, покончив счеты с жизнью, но у меня сразу появились дурные предчувствия. Мы привели спасателей и начали рискованную операцию.

Они подошли к машине Нормана. Прежде чем в нее влезть, Норман вытер мокрое лицо. Ратлидж замешкался, слушая Хэмиша, потом решительно отсек не дававший покоя голос и сел вместе с Уокером на заднее сиденье.

Пока они выбирались на дорогу, скрипя шинами по траве, Норман заметил:

- Проклятая погода для такого дела. Говорил вам, не хочу, чтобы убийства переместились в Гастингс.

Ратлидж достал носовой платок, влажный и холодный, намокший плащ тяжело давил на плечи, вода хлюпала в ботинках.

- Но что привело сюда Хартла? - спросил он.

Они направились к полицейскому участку. Норман мрачно ответил:

- Это теперь ваша работа. Но мне оттого не легче.

В машине неприятно пахло мокрой шерстяной тканью. Когда они подъехали к участку, Норман обернулся к Ратлиджу:

- Где оставили свою машину? Около магазина рыбацких сетей?

- У подножия фуникулера.

- Я пошлю туда кого-нибудь, пусть подгонят сюда. Заходите внутрь.

Они прошли в участок. Там казалось еще холоднее, потому что не было солнца, чтобы согреть помещение. Норман попросил дежурного сержанта принести горячего чая из ближайшей таверны.

Помещение участка было гораздо больше, чем в Истфилде. Кабинет Нормана находился в коротком коридоре слева. Справа - подвал с камерой. Оттуда раздавалось монотонное, громкое пение.

- Он не совсем нормальный, - объяснил Норман и закрыл дверь в кабинет, отсекая пение. - Мы иногда помещаем сюда, ради него самого, когда его сестра не может его контролировать.

Он хотел сесть на свое место за столом, но передумал, порылся в ящике стола, достал пачку листов бумаги и протянул Ратлиджу и Уокеру:

- Вот, подложите на стул, а то прилипнете к сиденью.

Потом открыл шкаф, достал полотенце и начал вытирать лицо и волосы.

- Ну, Уокер, расскажите, что вы знаете об этом человеке.

– Он был на войне со всеми остальными. Очень спокойный, уравновешенный, с ним не было связано никаких скандалов – ни до, ни после войны. Пришел работать в мебельную фирму «Стулья Кентон» резчиком по дереву. Его отец всегда хвастал, что у сына талант.

Норман бросил взгляд через стол на Ратлиджа:

– Фабрика имеет неправильное название. На самом деле стулья, столы, кресла, кровати изготавливают с помощью оборудования, а потом вручную делают отделку. В наше время полно отелей, которые заказывают мебель, эти отели расплодились на побережье в последнее время, они хотят иметь качественную мебель, прочную, чтобы могла выдержать плохое обращение отдыхающих. Они наняли с дюжину людей, так? – Он посмотрел на Уокера.

Тот кивнул:

– В лучшем случае пятнадцать. Как правило, мастерство краснодеревщиков передается по наследству от отца к сыну.

– Их мебель пользуется спросом, и фирма хорошо известна, они расширили свое производство. И занимаются теперь еще и строительством коттеджей, – сказал Норман.

– Дед Кентона начинал свой бизнес в сарае, – добавил Уокер. – На Кентонов работали три поколения Хартлов.

– Так что его привело в Гастингс? – не унимался Норман. – Если он работал на Кентона, что он тут делал?

– Понятия не имею, – ответил Ратлидж. – Мне нужен отчет доктора как можно скорее.

– Мы уже знаем, что вызвало смерть. Вы же видели его горло. Но был ли он убит на скале, или его притащили туда мертвого? Что вы думаете? В такой проливной дождь все следы давно смыты, если там они были – крови или борьбы.

– Единственное, что остается, – проследить его действия. Если он был здесь, в Гастингсе, с какой-то целью, почему не вернулся в Истфилд в тот же день? Или вечером? Что он здесь делал ночью и где останавливался?

– Я пошлю моих людей поспрашивать в местных гостиницах и пабах.

Дверь открылась, вошел констебль с деревянным подносом, выдавшим лучшие времена. Края были выщерблены, а украшение в центре, в виде нарисованной гирлянды роз, поцарапано и облуплено. Но фарфоровый китайский чайник, чашки, кувшинчик с молоком и сахарница были безукоризненно чистыми и, вероятно, недавно купленными. Норман встал, взял поднос у констебля и сам разлил чай по чашкам. Они молча пили некоторое время горячий чай, благословляя этот живительный напиток. Ратлидж почувствовал, как благодатное тепло разливается по телу, и, с благодарностью поставив пустую чашку на стол, подытожил:

– Давайте соберем информацию и потом обменяемся ею.

– Так чье теперь это расследование – ваше или мое? – спросил Норман.

Ратлидж не был настроен сейчас разбираться в тонкостях юрисдикции.

– Главный констебль передал дело Ярду. Думаю, он согласится, что смерть Хартла вписывается в общую картину преступлений, которыми я занимался по своему прибытию в Суссекс.

– Но расследование должно проводиться здесь.

– И здесь тоже. Но вы сами сказали, что смерть Хартла относится к серии наших убийств.

Норман допил чай.

– Разберемся по ходу дела, – ответил он. – Я делаю свою работу и не стану вмешиваться в вашу. Посмотрим, не остались ли следы пребывания убитого в Гастингсе.

Если узнаете что-нибудь у себя в Истфилде, сообщите. Главное – найти причину, зачем Хартл здесь появился; узнав это, вы облегчите мне задачу.

– Я поговорю с его работодателем. – Ратлидж поднялся. – Мой автомобиль, вероятно, уже подогнали, спасибо за чай. Я свяжусь с вами.

Уокер допил чай одним глотком и последовал за Ратлиджем.

Норман проводил их молчанием.

Дождь все еще лил, когда они садились в машину.

– Едем в Истфилд? – спросил Уокер.

И услышал в ответ:

– Мне бы хотелось вернуться на то место.

Бедный Уокер не мог заглушить стона отчаяния. Ратлидж повернулся к нему:

– Вы можете оставаться в машине.

Подъехав к обрыву, Ратлидж попытался найти хоть какие-нибудь следы. Принимая во внимание погодные условия, это было почти безнадежно, но он надеялся на свое острое зрение.

Голос Хэмиша пробился сквозь шум дождя и ветра: «Брось ты это».

Поиски увенчались лишь находкой монетки в полпенни, которая наверняка валялась здесь месяцами, если не годами. Ратлидж поднял ее – на него смотрело бородатое лицо Эдуарда VII. Он вернулся в машину и спросил Уокера:

– Вы знаете доктора, который был здесь сегодня утром?

– Не очень хорошо. Доктор Томпсон. Его прозекторская находится где-то на Хилл-стрит.

– Давайте поищем. – И Ратлидж вернулся в город.

После нескольких попыток они отыскали табличку с именем доктора на одном из домов. Медсестра доктора, высокая худощавая женщина со сладким выражением лица, открыла им дверь и провела в прозекторскую.

Тело, находившееся на столе, было прикрыто простыней. Мокрая одежда лежала в стороне. Доктор Томпсон мыл руки и повернулся, когда они вошли. Узнав их, он сказал:

– Вы были на обрыве с инспектором Норманом. Это он вас послал? Я как раз собирался к нему зайти.

Ратлидж представил себя и констебля.

– Я приехал из Лондона, чтобы провести расследование. Хартл – не первая жертва, были и другие, в Истфилде.

– А, да, я помню, мне говорили. Значит, я должен доложить вам о результатах, прежде чем поговорю с Норманом.

– Так что вы выяснили?

– Что мое предварительное заключение было верным. Я имею в виду горло. Нет следов удушения руками, была использована гаррота. Местами содрана кожа, но это от падения на камни. Он был мертв, когда его сбросили вниз. Как долго до этого был мертв, пока трудно сказать, но полагаю, смерть наступила незадолго до полуночи. Может быть, в десять часов или одиннадцать. Из-за холодного ливня трудно точнее определить момент смерти. Взгляните. – Доктор поднял простыню, и Ратлидж подошел к столу.

Теперь рана была видна отчетливо, как и другие повреждения – сорванная местами кожа, порезы и ссадины.

– Как думаете, что послужило гарротой? – спросил он.

– Проволока, скорее всего, судя по глубине пореза. Она более эффективна, чем, например, узловатая веревка. И взгляните на это – внизу живота большой шрам, рана зажила, но рубец еще свежий.

Штыковая. Удивительно, что он выжил после неминуемо последовавшей инфекции, не говоря о повреждении внутренних органов. Он был сильным мужчиной и боролся за свою жизнь. Осмелюсь предположить, что убийца унес на себе следы его сопротивления.

Доктор поднял руку Хартла и показал на пальцы:

– Сначала я думал, что это от падения. Но теперь считаю, он пытался убрать от горла оружие убийства. Видите сломанные ногти и под ними запекшуюся кровь? Я определил его возраст около двадцати восьми. Судя по складкам около рта, он долго испытывал боль, такой сильный и такой крупный мужчина.

Уокер первый раз подал голос:

– Ему в последний день рождения исполнилось двадцать восемь. – Он хотел задать вопрос доктору, но Ратлидж его опередил:

– Что-нибудь еще нашли, что может представлять интерес?

– Я как раз подошел к этому. Это не имеет отношения ни к причине смерти, ни к состоянию тела. Во рту мертвого был солдатский медальон. Какие были у многих во время войны. Но мне сказали, что жертву звали Тео Хартл, кажется, это вы говорили, констебль, вы ведь его опознали? Он из Истфилда. Но на медальоне указан другой человек – некий Френч из Хэртфордшира. Не понимаю, при чем тут медальон, странная история, ведь война кончилась два года назад.

Доктор передал медальон Ратлиджу. Инспектор видел, что доктор заинтригован и ждет ответа.

Значит, в полиции не распространялись о деталях, а другие жертвы обследовал доктор Гудинг.

Ратлидж сказал:

– Прошу вас, сохраните в тайне то, что сейчас услышите. Только несколько человек знает об этом. Скорее всего, солдатский медальон другого человека во рту жертвы является, как бы поточнее сказать, почерком убийцы. Если Уокер говорит, что перед нами Тео Хартл, я ему верю. Почему медальон капрала Френча оказался здесь, пока непонятно. Мы еще не нашли причину. И поэтому данная информация не подлежит разглашению.

Доктор Томпсон смотрел на него с изумлением.

– Но тогда у вашего убийцы что-то вроде помешательства на этих медальонах.

– Мы не знаем, сумасшедший он или хитер и преследует какие-то свои цели. Пока не знаем.

Томпсон покачал головой:

– Мое предположение, что преступником движет непреодолимое стремление убивать, и почему-то именно с помощью гарроты. Рана на горле Хартла очень глубокая. Море смыло основное количество крови, но зрелище до этого было устрашающим. Ему нужна не просто смерть, потому что убить для него было бы слишком просто.

Ай да доктор! Ратлидж взглянул почти с восхищением на этого полного невысокого доктора из глубинки, который оказался достаточно проникательным, чтобы разгадать мысли убийцы.

А доктор, как будто догадываясь, о чем подумал Ратлидж, скупно улыбнулся:

– Я тоже был на войне. Поэтому много повидал и знаю, на что способны иногда люди. У меня нет иллюзий на этот счет. Я видел, как некоторые испытывали удовольствие, убивая людей, себе подобных существ. И ваш убийца, скорее всего, из их числа. Когда война кончилась, он потерял такую возможность, потом обнаружил, что не может жить иначе. Жажда крови, инспектор. Инстинкт, свойственный не только низшим животным.

Было около часа дня, и они решили где-нибудь перекусить. Подходящее место нашлось на одной из улиц, спускавшихся к морю. В маленьком магазинчике на углу был большой прилавок с мясными изделиями, сырами и сэндвичами. На террасе стояли столы со стульями и стойка, где продавали напитки: чай, кофе, сидр, пиво и эль. Они сделали заказ у улыбчивой молодой официантки, которая подошла к их столику и дала им от руки написанное меню.

Когда она принесла сэндвичи и сидр, выглянуло солнце. От улиц и крыш начал идти пар, дома заблестели мокрыми стенами, как свежeweымытые. Молодая женщина бросила взгляд на улицу и сказала:

– Как вовремя. – Заметив, что плечи у Ратлиджа темные от дождя, спросила: – Вы были там, на обрыве, когда подняли тело этого бедняги?

– Нет, просто попал в ливень, – ответил он.

– Они молодцы, такие смелые, у самого края опасно, особенно в шторм. Козырек под ногами в любой момент может провалиться. Каждое лето отдыхающие рискуют подойти и заглянуть вниз, и это может стоить им жизни. Их невозможно остановить предупредительными знаками, которые укрепляют там каждый год, на них никто не обращает внимания. А некоторые позволяют детям играть над обрывом, как будто они находятся во дворе собственного дома. В прошлом году, в мае, маленький мальчик запускал воздушного змея и подбежал слишком близко к краю. Ужас. Неужели родители не понимают? Об опасности знали даже контрабандисты.

Когда официантка отошла к другому столику, Уокер объяснил:

– В скалах на берегу Гастингса полно пещер контрабандистов. Это было прибыльное дело – ввозить товар из Франции. Говорят, до сих пор существует тайный бизнес. – Он откусил сэндвич и добавил: – Вы думаете, доктор Томпсон прав? И убийце нравится убивать?

– Надо отыскать владельцев медальонов, выяснить, откуда они, – сказал Ратлидж. – И есть ли связь между ними и убитыми.

– Странно, что инспектор Норман ни разу не упомянул о медальонах. Доктор не сказал ему?

– Не успел. – Ратлидж допил сидр и сделал знак официантке. Заплатив по счету, подождал, пока Уокер наденет полицейский шлем.

– Надо сообщить его сестре, я не представляю, что будет, ее убьет это известие, – сказал Уокер. – А вот ее мужа вряд ли. Они никогда не ладили с Тео.

Ратлидж остановился на полпути к выходу:

– Думаете, он мог совершить такое убийство?

– Он инвалид, передвигается в коляске. Полиомиелит.

Выйдя из магазина-кафе, Ратлидж взглянул на море.

Грозовая гряда облаков была уже далеко на горизонте и уходила в направлении Франции.

Впереди ждало самое неприятное из того, что случается на его службе, – принести ужасную весть в семью погибшего. Ратлидж мог возложить эту обязанность на Уокера, но это было не в его характере.

– Каким образом он заманил Хартла на обрыв? – спросил Уокер, когда они сели в машину. – Да еще после наступления темноты. Хартл был очень осторожен и не пошел бы туда без причины.

Они в молчании доехали до Истфилда. Констебль Уокер указал путь к дому сестры Хартла.

На этой улице стояли скромные одноэтажные дома с низкими крышами и задними дворами. Среди них был и дом сестры Хартла.

Когда они вышли из машины, Уокер прервал молчание:

– Я уже три раза приносил скорбную весть. Надеюсь, это будет последний.

Они пошли к дому. Слева от двери в окне шевельнулась занавеска.

Стучать не пришлось, потому что дверь открыла женщина, на ее лице застыла тревога, светлые брови озабоченно сдвинуты.

– Констебль Уокер. – Она перевела взгляд на Ратлиджа.

Женщина была совсем не похожа на брата. Маленькая, пшеничного цвета светлые волосы, мягкие черты лица, карие глаза. За ней, в тени, виднелся мужчина в инвалидном кресле, на лице его было кислое выражение.

– Миссис Уинслоу, это инспектор Ратлидж из Лондона...

Лицо женщины исказилось.

– Это Тео? О боже, что с ним? Я так и знала, когда вчера вечером он не зашел...

– Боюсь, вы правы, миссис Уинслоу. Его нашли сегодня рано утром в Гастингсе.

Она закрыла лицо руками и заплакала. Ее муж протянул руку, как будто хотел ее поддержать, но тут же отдернул.

Ратлидж мягко взял ее под руку и провел в маленькую комнату, где раньше заметил движение занавески, усадил на жесткий, набитый конским волосом диван. Человек в инвалидном кресле вкатился за ними со словами:

– Так что с ним случилось? Скажите.

Вместо ответа, Ратлидж предложил:

– А сейчас, констебль, может быть, мистер Уинслоу покажет вам, где можно приготовить чай, думаю, его жена будет благодарна.

Ему показалось, что Уокер сейчас откажется, потому что у него от удивления вытянулось лицо. Но констебль быстро спохватился – видимо, понял, что надо убрать из комнаты мистера Уинслоу.

– Где у вас кухня? – обратился он к инвалиду, как будто существовала проблема найти кухню в маленьком домике.

Уинслоу бросил недовольный взгляд на жену, потом на Ратлиджа, но, поняв, что слова инспектора носят приказной характер, круто развернулся и покатыл из комнаты.

Ратлидж достал из внутреннего кармана чистый носовой платок и предложил плачущей женщине. Она взяла с благодарностью, и он, понизив голос, чтобы не было слышно в соседней комнате, спросил, пытаясь отвлечь ее от горестных мыслей:

– Ваш брат был на фронте?

Она кивнула.

– Вместе с другими добровольцами из Истфилда?

Ее «да» прозвучало приглушенно в платок. Потом она подняла на него глаза и, встретив его взгляд, как будто потеряла дар речи. Страшная истина стала доходить до ее сознания.

– Он... он был... как те... другие?

– Мне очень жаль. Да.

– Я думала... Думала, что произошел несчастный случай на дороге, авария. Он неважно себя чувствовал, но отправился в Гастингс на машине. Фирме задержали морскую доставку из Лондона партии лака. И мистер Кентон просил его найти несколько банок, чтобы пока перебиться. Брат вообще не должен был садиться за руль. Но не мог отказать мистеру Кентону. Я сначала подумала... вдруг пришло в голову, что он покончил жизнь самоубийством, чтобы нас освободить.

Голос ее прервался, а Ратлидж почему-то вспомнил Розмари Юм. Иногда убийство не самая ужасная весть для семьи.

– Почему вы думали, что он может покончить жизнь самоубийством? – спросил он чуть помедлив, давая ей время прийти в себя. В соседней комнате слышалось звяканье чашек и тихие голоса, там переговаривались двое мужчин, которых устранили от разговора.

– Его желудок. Он стал болеть... Раньше брат любил поесть, но в последнее время стал опасаться. Никакого сыра, ни соусов, ни карри. Ничего острого. Он любил в холодные вечера выпить горячего сидра с пряностями. Все пришлось забыть – только отварное мясо, овощи и картофель. Раньше его излюбленным блюдом был пастернак на гусином жире, но о нем пришлось забыть. Ему казалось все безвкусным, а иногда его желудок отвергал и такую еду, он испытывал страшные боли, его стоны продолжались часами. Вирджил говорил, что ему плохо от этих стонов. Но я так жалела Тео и молилась, чтобы его мучения прекратились.

– Он жил вместе с вами?

– Вначале, когда вернулся домой из госпиталя. Тогда никого больше не было, мама и отец умерли. Мэри с ребенком унесла испанка еще до его ранения. Наверное, это надорвало ему сердце, хотя он никогда не упоминал о них после возвращения. Он один пошел на кладбище, даже не просил меня пойти с ним, чтобы показать могилу. И как только смог, вернулся на ферму, где жил один. Конечно, ферма уже не работала, просто он жил там. Он чувствовал себя уютно среди воспоминаний о тех, кто жил там прежде. Так он сам сказал. Уютно. Как будто он мог с ними говорить там.

– Какие отношения были у Тео с вашим мужем?

– Не очень хорошие. – В голосе женщины слышалась покорность судьбе. – Брат не хотел, чтобы я выходила за Вирджила, говорил, что я его не люблю, а жалею. – Она поколебалась немного, потом спросила: – Как он умер? Быстро? – И напряженно ждала ответа.

– Довольно быстро, – ответил Ратлидж. – Вы ведь слышали и о других смертях?

– О да. Все только об этом и говорят в Истфилде, а теперь станут сплетничать и про Тео. Я чувствую вину, потому что сплетничала иногда вместе с ними, теперь знаю, это было плохо.

– Скажите, были у вашего брата враги? Он что-нибудь вспоминал неприятное, связанное с войной?

– Он никогда не говорил о войне. Во всяком случае, со мной. Он пришел домой, снял форму и стал жить как прежде. Я спрашивала о том, как его ранило, наверное, было очень больно, а он ответил, что это был билет домой.

– Ваш брат с кем-то дружил, был особенно близок? Был у него друг в Истфилде? Или враг?

– Не было таких, кто хотел бы убить Тео. Мой брат был хороший человек, никогда ни с кем не ссорился, рано начал работать вместе с отцом у Кентона, не жаловался на судьбу. Его все любили. – Голос ее оборвался, она замолчала, уставившись в пространство, потом продолжила: – Не могу понять, кто мог такое сделать. Он не имел много денег, хотя никогда не брал в долг, обходился без этого.

– А когда вернулся из Франции, то был в хороших отношениях со всеми, с кем вместе там воевал? Не было никаких проблем, например, с Энтони Пирсом?

– Не знаю. То есть я никогда не слышала, что у него с кем-то проблемы. Он никогда не искал неприятностей. Конечно, они все изменились. Они никогда не сидели вместе и не обсуждали, что делали в окопах. Как будто никогда этого не было. Но ведь на самом деле было, не так ли? – Миссис Уинслоу нахмурилась. – Тео дали медаль. Наверное, он был храбрым. Но я не знаю, за что он ее получил.

Такое часто приходилось слышать Ратлиджу с тех пор, как он вернулся в Англию. Военной цензурой запрещалось писать в письмах подробно о том, где они находятся и что делают. И родные часто не имели понятия, что происходило на войне – было это в окопах или на корабле. Представления близких были далеки от того, что происходило во Франции. Он встречал одну женщину, которая со всей искренностью убеждала, что ее погибший на войне сын спал на хорошей кровати и ему меняли простыни. Она гордилась этим и верила, потому что сам сын ей так рассказывал. Ратлидж, естественно, не разубеждал ее, сын

так ей говорил для ее же блага. И когда она спросила, в каких условиях он сам был на фронте, он заверил ее, что тоже имел возможность спать в нормальных условиях. И наградой была ее улыбка, как будто она была за него рада. Разумеется, многие семьи знали правду о той невыносимой обстановке, в которую попали родные им люди, но и они часто предпочитали ложь во спасение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/todd_charlz/odinokaya-smert

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)